

Е. Д. КУКУШКИНА

**ТРАГЕДИЯ П. КОРНЕЛЯ «ГОРАЦИЙ»
В ПЕРЕВОДЕ Я. Б. КНЯЖНИНА**

В 1773 г. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, приняло решение о подготовке издания «Корнелиевых трагедий» на русском языке. Перевод был заказан Я. Б. Княжнину. К тому времени русские читатели могли познакомиться с драматургией французского классицизма главным образом по французским изданиям или благодаря языкам-посредникам. Известно, что Феофан Прокопович читал «Сида» Корнеля в польском переводе. В 1740 г. при русском дворе немецкая труппа Каролины Нейбер ставила пьесы П. Корнеля, Ж. Расина, И.-К. Готшеда.¹

Я. Б. Княжнин, для которого в это время переводческая работа была единственным средством существования, перевел шесть трагедий Корнеля. Однако проект остался неосуществленным. Еще в 1772 г. Академическая Комиссия вынуждена была сократить количество книг, представляемых Собранием в типографию Академии наук, так как большое их количество приводило к задержке в печатании материалов и документов самой Академии. Некоторые переводы, готовые к печати, долгое время не издавались.² Три трагедии, переведенные Княжниным, — «Цинна, или Августово милосердие», «Смерть Помпея» и «Сид» были напечатаны в типографии Академии наук к октябрю 1775 г. отдельно, без титульных листов, но со сквозной нумерацией страниц. Весь тираж был выкуплен Н. И. Новиковым и поступил в продажу в 1779 г. Трагедия «Родогуна» была напечатана им лишь в 1788 г.

¹ История русского драматического театра. От истоков до конца XVIII в. М., 1977. Т. 1. С. 85, 100.

² Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериною II. 1768—1783. Историко-литературное исследование. СПб., 1913. С. 18, 20.

Перевод трагедии «Гораций» считался утраченным. Кроме того, неизвестной остается шестая, переведенная Княжниним трагедия.³

Черновые автографы Княжнина с переводами трагедий «Гораций» и «Родогуна» удалось обнаружить в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН в фонде Г. Р. Державина (Ф. 96. Оп. 14. № 11). Рукопись представляет собой тетрадь, состоящую из листов in folio (кроме листов 45 и 72, имеющих малый формат) в переплете из плотной цветной бумаги. На корешке переплета, в верхней его части наклейка: Переводы Я. Б. Княжнина. Текст трагедии «Родогуна» занимает листы 4—35, трагедия «Гораций» — листы 42—75 об. Остальные листы тетради чистые. Бумага, имеющая водяные знаки «ФК», датируется 1753 — 1780 гг.⁴

В описи державинского фонда перевод трагедии «Гораций» числится как пьеса без названия. Идентификация ее была, очевидно, осложнена тем, что название пьесы и список действующих лиц в рукописи отсутствуют, а порядок страниц нарушен. Изучение текста позволило восстановить правильный порядок страниц (72—72 об., 46—51 об., 44—45 об., 52—65 об., 42—43 об., 68—69 об., 66—67 об., 70—71 об., 73—75 об.) и получить полный корпус текста.

Предание, которое Корнель положил в основу трагедии, было хорошо известно в то время по беллетризованному изложению Тита Ливия. Умение увлекательно рассказывать об исторических событиях, особый стиль повествования, выдержанный в традициях Цицерона, принесли Титу Ливию прочную славу крупнейшего римского историка начиная с эпохи Возрождения до XIX в., когда были обнаружены многие неточности и ошибки в его трудах.

Согласно легенде, во время царствования Туллы Гостилия (672—640 до н. э.) возник спор между городами Римом и Альба Лонга за право властвовать в формирующемся государстве. Когда все аргументы для мирного соглашения были исчерпаны и не принесли результата, спор был решен в пользу Рима в битве между тремя римскими братьями Горациями и тремя представителями Альба Лонга — братьями Куриациями: «Было тогда в каждой из ратей по трое братьев — близнецов, равных и возрастом, и силой. Это были, как знает каждый, Гораций и Куриаций, и едва ли есть предание древности, известное более широко <...>. Цари обращаются к близ-

³ См.: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. II. Драматургия. Поэзия / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1996. С. 49 (автор главы Ю. Д. Левин).

⁴ Кукушкина М. В. Филлигранные на бумаге русских фабрик XVIII—нач. XIX в. (обзор собрания П. А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. II. XIX—XX века. С. 326. См. также: Клепиков С. А. Филлигранные на бумаге русского производства XVIII—начала XX века. М., 1978. С. 56—57.

нецам, предлагая им обнажить мечи, — каждому за свое отечество: той стороне достанется власть, за какую будет победа».⁵

Бой Горация и Куриация еще до Корнеля привлекал внимание драматургов. Он был изображен в трагедии Аретина «Оразия» (Венеция, 1546), в трагедии «Гораций» (1596) Лодена д'Эгалье (1575—1629), в трагикомедии Лопе де Вега «El Honrado hermano» (1622).⁶ Этот сюжет драматурги интерпретировали и после Корнеля. Упомяну, например, пьесу А. Сальери «Гораций», представленную королевской Академией музыки в Вене в переводе Н. Ф. Гийяра в 1786 г., а затем исполненную в Парижской опере с музыкой Б. Порта в 1800 г.

П. Корнель написал «Горация» в 1640 г. в Руане, куда возвратился обиженный парижскими театральными критиками, неодобрительно отнесшимися к его трагедии «Сид». Литературную работу он сочетал в это время с адвокатской практикой. Профессиональные навыки юриста проявляются в характерном для многих пьес Корнеля литературном приеме — противопоставлении разных мнений по поводу одного и того же факта, подкрепленных убедительной аргументацией с обеих сторон. В «Горации» это особенно заметно в пятом действии, что признавал и сам автор в разборе пьесы: «... пятое действие <...> целиком состоит из судебных речей».⁷

Корнель по-своему пересказал легенду и усложнил драматический конфликт. Герои пьесы — братья, но не близнецы. Соперники связаны родственными и любовными узами и фактически являются одной семьей. Жена Горация Сабина — из семьи Куриациев, а невеста Куриация Камилла — родная сестра Горация. Таким образом, в жертву государственным интересам должны быть принесены любовь и, более того, жизнь близких людей.

Трагедия «Гораций» упрочила ведущее положение Корнеля во французской драматургии. Основной конфликт пьесы — борьба личных интересов и долга перед государством — имел политический аспект: ради блага государства Гораций без тени сомнения отрекался от своих чувств и пристрастий. Тема становления Римского государства переключалась с современной Корнелю французской действительностью — укреплением королевской власти.⁸ В 70-е гг. XVIII в., когда Княжнин взялся за перевод Корнеля, эта тема была по-своему актуальна и для России.

⁵ *Тит Ливий*. История Рима от основания города / Ред. М. Л. Гаспаров и Г. С. Кнабе. М., 1989. Т. 1. С. 30.

⁶ *Лево Мартин*. Создание «Горация», его появление в печати и на сцене; отзывы о нем современников // Гораций, трагедия в 5 д. в стихах П. Корнеля (1639) / Перевод в стихах размером подлинника Льва Поливанова с очерком жизни П. Корнеля и объяснительными статьями. М., 1895. С. 19—20.

⁷ *Корнель П.* Разбор «Горация» // Пьер Корнель. Театр. Т. 1. Компаньонка. Королевская площадь. Иллюзия. Сид. Гораций. Цинна. Полневкт. М., 1984. С. 376.

⁸ См.: *Сигал Н. А.* Пьер Корнель (1606—1684). М.; Л., 1957. С. 43.

Интересы государства и гражданский долг торжествуют над личными чувствами отдельных людей. Такова основная идея трагедии. Однако Корнель оставил место для некоторых сомнений в абсолютной справедливости такого заключения. В пятом действии устами Валера, влюбленного в Камиллу, высказывается мысль, что Гораций, пренебрегший родственными чувствами, а затем и нарушивший закон, становится опасным для римлян.

Возможности смещения акцентов в трактовке основной идеи пьесы Корнеля обнаружилось во время Французской революции. Трагедия воспринималась как призыв к борьбе с королевской властью и имела большой успех у зрителей.⁹

«Гораций» П. Корнеля известен в двух вариантах. В изданиях 1641—1648 гг. трагедия заканчивалась монологом Юлии, наперсницы Камиллы. Признавая, что пятое действие и так чересчур затянуто, что «утомленное внимание зрителя не мирится с бесконечными, оттягивающими финал монологами»,¹⁰ Корнель за счет него несколько сократил пьесу. Нет этого монолога и в переводе Княжнина. Это свидетельствует о том, что Княжнин переводил по одному из многочисленных изданий, вышедших после 1648 г. Вполне вероятно, что он воспользовался вольтеровским изданием «Театр Пьера Корнеля» (1764), популярным в России.

Я. Б. Княжнин перевел «Горация», как и некоторые другие пьесы, шестистопными белыми ямбическими стихами. Обращает на себя внимание крупный беглый почерк переводчика. Кажется, работа давалась ему легко. На многих страницах почти нет правки. Однако перевод не носит следов поспешности или небрежности, а, скорее, свидетельствует о том, что переводчик свободно владеет французским языком. Во многих случаях Княжнину удалось сохранить свойственные поэтическому стилю Корнеля параллелизмы и антитезы, его манеру разбивать мысль на несколько двустий.

Согласуясь с общими принципами перевода, принятыми в то время, Княжнин переводил сколь возможно ближе к подлиннику. Ради этого он часто отказывался от первоначального варианта. Так, реплика Куриация «Куда ни обращусь, зрю горести несчастны» (д. 2, явл. 1) исправлена: «Куда ни обращусь, везде лить слезы должно», что соответствует тексту оригинала.

Но иногда собственный творческий опыт оказывался сильнее утвердившихся правил. Чувствуя некоторую затянутость пьесы, Княжнин опускает 8-е явление 4-го действия — монолог Сабины, не влияющий на развитие интриги. Некоторые коррективы вносит Княжнин и в текст трагедии. Правка на страницах рукописи позволяет увидеть, как работал Княжнин над переводом, находя наиболее

⁹ Там же. С. 51.

¹⁰ *Корнель П.* Разбор «Горация». С. 377.

подходящие, по его мнению, слова или выражения. В отдельных случаях для выбора окончательного варианта перевода определяющим фактором становится соответствие не тексту Корнеля, а характерам его персонажей.

Реплику вождя альбанцев «*Pourquoi nous déchirer par des guerres civiles*» (д. 1, явл. 3) («Зачем нам себя терзать гражданскими войнами») он сначала переводит близко к тексту: «За что нам внутренней себя войной терзать», но в окончательном варианте находит другое выражение, сближая антонимические понятия: «За что домашней нам себя войной терзать».

Такое же контрастное сближение — оксюморон — появляется в речи Куриация, отправляющегося на бой (д. 3, явл. 5). Эмоционально нейтральную в оригинале реплику «*...mais il y faut aller*» («но нужно идти») Княжнин заменяет словами: «Но должно мне идти на место лютой чести».

В отдельных случаях личностные черты персонажей Корнеля в переводе Княжнина проступают еще более отчетливо. Вот Гораций и Куриаций выказали в диалоге свое столь несхожее отношение к предстоящему смертельному соперничеству (д. 2, явл. 3). Входит Камилла. Ее появление Гораций комментирует словами: «*Voici venir ma soeur pour se plaindre avec nous*» («Вот идет моя сестра, чтобы сожалеть вместе с нами»). Эту реплику Княжнин перевел по-своему: «И се моя сестра идет с тобой стонать». Насмешливое в этом контексте «стонать» подчеркивает душевную жесткость Горация, его упоение своей непреклонностью.

Некоторые поправки Княжнина изменяют тональность авторского текста. В кульминационном четвертом действии (явл. 5) Гораций сообщает Камилле, что смерть их братьев сполна оплачена кровью Куриациев. Потрясенная гибелью жениха, Камилла восклицает: «Когда они уже тобою отомщенны, // Не стану больше днесь я их оплакивать». Но это первый вариант перевода. В окончательном тексте Княжнин приблизился к оригиналу лексически, но кардинально отделился от него по смыслу. Реплику Камиллы «*Puisque ils sont satisfaits par le sang répandu...*» («Коли они удовлетворились пролитой кровью...») он перевел словами: «Когда они пролитой кровью сыты...» В переводе Княжнина Камилла не только не скорбит о погибших братьях, но обвиняет их в кровожадности, видит в них убийц своего жениха.

Редактируя авторский текст, Княжнин несколько меняет его семантику. По римским законам отец семейства неограниченно распоряжался жизнью всех представителей своего рода. Убив сестру, Гораций готов понести наказание от рук отца. Он предлагает ему «*prenez tout ce sang de qui ma lâcheté a si brutalement Souillé la pureté*» («возьмите назад всю сию кровь, чью чистоту трусость моя столь грубо запятнала»). Княжнин сначала перевел эту фразу словами «Пролей всю кровь мою из ребр виновна сына», но в окон-

чательном варианте, заменив только одно местоимение, подчеркнул родство персонажей и трагизм ситуации, при которой сын может быть убит отцом: «Пролей же кровь свою из ребр виновна сына».

В ряде случаев Княжнин использует в переводе сложные грамматические конструкции, для правильного прочтения которых требуется перестановка слов в предложении. «Дивися моего ты силе восхищенья» (д. 1, явл. 2); «Бежишь желаньям твоим противна боя», «Давно раздорами, которы нас смущают / Коварный веселят злодеи наши дух» (д. 1, явл. 4); «Мы добродетели зеркала редкой будем» (д. 2, явл. 3): «Вот жданно мной моей спокойствие души» (д. 3, явл. 1); «Се добродетели пример похвальный редкой» (д. 4, явл. 2); «Достойна будь моей ты имени супруги» (д. 4, явл. 7); «Тебе принадлежит моей все капли крови» (д. 5, явл. 2). Эти инверсии, усложняющие стиль, служат для сохранения ритмического рисунка стиха.

Рукопись Княжнина представляет собой завершённый и отредактированный перевод, практически готовый к печати, листы которого были сшиты в тетрадь без участия переводчика.

* * *

Несколько слов о судьбе трагедии Корнеля в России в XIX в.

«Гораций» впервые предстал на русской сцене под названием «Горации и Куриации» 29 октября 1817 г. в Санкт-Петербурге, в бенефис актера Я. Г. Брянского. Трагедию перевели А. И. Чепегов, А. А. Жандр, А. А. Шаховской и П. А. Катенин¹¹ (по одному действию каждый). Пятое действие было опущено, а вместе с ним и все сомнения в моральном праве Горация на убийство сестры. В пьесе Корнеля литераторы увидели героя, способного на подвиг и личные жертвы ради высоких гражданских целей.

Возможно, именно спектакли оживили интерес к творчеству французского драматурга. В библиотеке Пушкинского Дома хранится первый том сочинений Пьера и Томаса Корнелей, изданный в Париже в 1807 г. Алексей Алексеевич Оленин (1798—1854), выпущенный в апреле 1817 г. из Пажеского корпуса и зачисленный в Гвардейский генеральный штаб, 4 декабря, в день великомученицы Варвары, подарил эту книгу своей сестре Варваре Алексеевне (1802—1877) с надписью «Сестре варинке [так!] в знак любви. Алексей Оленин».

Интерес к «Горацию» Корнеля возобновился затем лишь в конце XIX в. В 1892 г. пьесу предполагали поставить в Малом театре. Но спектакль не состоялся. «Кому он нужен, кому дорог, кому инте-

¹¹ Четвертое действие трагедии в переводе П. А. Катенина было опубликовано в изд.: Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. СПб., 1832. Ч. 2.

ресен этот Корнель? — писал В. И. Немирович-Данченко. — Для нынешней публики ставить Корнеля — значит умышленно отводить ее глаза от того, над чем она действительно должна размышлять».¹² Первый полный перевод трагедии, сделанный Модестом Чайковским с одного из ранних изданий Корнеля, был издан в «Дешевой библиотеке» А. С. Суворина (СПб., 1893). Но и при обсуждении этого перевода театрально-литературный комитет единогласно признал его не заслуживающим постановки на сценах императорских театров. Центральная сцена трагедии — обличительный монолог Камиллы, в котором звучат проклятья бездушной силе государства, растаптывающего судьбы и жизни людей, — могла вызвать серьезные политические опасения. Трагедия Корнеля становилась лишь фактом истории французской драматургии. В том же 1893 г. «Гораций» был издан с объяснениями исторических реалий В. С. Игнатовичем для чтения в учебных заведениях. В 1895 г. выпускник Московского университета Лев Иванович Поливанов, ставший педагогом, директором частной гимназии, перевел трагедию «Гораций» «размером подлинника» и издал ее с очерком жизни П. Корнеля и сопроводительными статьями.

* * *

Текст трагедии публикуется по рукописи, хранящийся в: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 96. Оп. 14. № 11. Л. 42—75 об., в соответствии с современными правилами орфографии.

В окончаниях прилагательных вместо *-ия/-ья* пишется *-ие/-ье*, вместо *-ого/-яго* пишется *-ого/-его*, вместо *-ой* (жестокой) в именительном падеже пишется *-ий* (жестокий) в тех случаях, когда это не нарушает стихотворного строя. Краткая форма прилагательных и причастий не изменяется ради сохранения стихотворного ритма.

Местоимения пишутся в соответствии с современными нормами (*они* вместо *оне*), за исключением тех случаев, когда исправление повлияло бы на стихотворный ритм.

По современным правилам даются слитное или раздельное написание *-не* с глаголами, наречиями и причастиями.

Название города *Альба* пишется с мягким знаком, в то время как в рукописи встречается написание *Алба*. Имя *Куриаций*, как и в рукописи, имеет два написания (иногда *Куриас*). Сохраняется написание существительного *сопостат*.

Знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами пунктуации.

Нумерация на полях соответствует листам рукописи.

¹² См.: История русского драматического театра. М., 1982. Т. 6. С. 138.

ПЬЕР КОРНЕЛЬ

ГОРАЦИЙ

Трагедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ту л л и й, римский царь
Ст а р ы й Г о р а ц и й, благородный римлянин
Г о р а ц и й, его сын
Ку р и а ц и й, альбанский дворянин, возлюбленный Ка-
миллы
В а л е р, благородный дворянин, влюбленный в Камиллу
С а б и н а, жена Горация и сестра Куриация
К а м и л л а, возлюбленная Куриация и сестра Горация
Ю л и я, благородная римлянка, наперсница Сабина и Ка-
миллы
Ф л а в и а н, альбанский воин
П р о к у л, римский воин
С т р а ж и

Действие происходит в Риме, в одном из покоев
дома Горация.¹³

л. 72

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С а б и н а, Ю л и я

С а б и н а

Хвали ты слабости, хвали тоску мою,
В ужасных бедствах сих они мне суть пристойны.
Толико грозные зря бури над собой
Твердейшая душа возможет колебаться,
И чувство мужеско, привыкше все сносить,
В смущении б свою узрело добродетель.
В сей лютой грусти, я которую терплю,
Довольно и того, что слез не проливаю.

¹³ Название трагедии и список действующих лиц в рукописи отсутствуют. Они даются по изданию: *Сигал Н. А.* Пьер Корнель.

Хоть вздохи я свои бессильна принуждать,
Но возмогу еще владети я слезами.
Хоть меньше мужества геросов я кажу,
Но оным слабых жен я твердость превышаю.
В несчастья воспрещать слезам своим течи
Для женской слабости есть мужества довольно.

[Пропущена реплика Юлии]

Л. 72 об.

С а б и н а

Римлянка я, когда Гораций мой супруг,
То титло приняла, прияв его я руку,
Но брака узел сей, связующий меня,
Меня не делает невольницею Рима,
И помню я еще отечество мое.
О Альба! Град, где я впервые свет узрела,
Рожденья моего дражайшая страна.
Меж Римом и тобой войну открыту видя,
Страшусь победы я и гибели страшусь.
О Рим! Коль скажешь, что тебе я изменяю,
Жалея о стране, противная тебе,
Почто ты не избрал себе во сопостата,
Которых бы могла возненавидеть я?
Альбанско и твое со стен твоих зря войско,
В одном супруга зрю, в другом трех братьев.
Могу ли я желать, могу ли беспорочно
Просити от небес успеха твоего?
Я знаю, что твоя рождающаяся область
Войною лишь себя возможет укрепить,
Что возрастет она; что предельные рока
Назначило твою неодолиму силу
Владети не одним латынней народом,
И что обещана тебе держава мила,
Котору приобрести ты должен лишь войной.
Я, не противясь сему геройску жару,
Что к твоему тебя величеству влечет,
Хотела б зреть твои победоносны войска,
Открывши славы путь с оружием в руках,
Уже текущие за горы Пиренейски.
Гряди со воинством туда, где солнца восток,¹⁴
И Рейна на берегах свои шатры постави,
И Геркулесовы столпы ты потряси,
Но город почитай, где твой Ромул родился.
Неблагодарный Рим, вспомни то теперь,
Кому, коль не его царей преславной крови,
Ты должен именем и родом ты своим?
Ты должен всем ему законами, стенами.
И Альба мать твоя. Жестокий, удержиись:

Л. 46

¹⁴ Восток. См.: Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4 (Воздух—Выпись). С. 96.

Во чрево матери ты острый меч вонзаешь.
Весь мир побед своих наполни громом ты,
О счастья чад своих она возвеселится,
Любовью матерней исполнена к тебе,
Когда против нее оружие оставишь,
Все будут за тебя желани ея.

Ю л и я

Сии слова меня приводят в удивленье.
От времени того, как римские полки
Против соседей сих оружие подьемлют,
Взирала с хладностью на Альбу ты всегда,
Как будто б римския сама была ты крови.
Я добродетели дивилася твоей,
Которая тебя, клоня к стране супруга,
Влекла от стороны всех сродников твоих.
Я, мня, что об одном лишь Риме ты жалеешь,
Во горести тебя искала утешать.

Л. 46 об.

С а б и н а

Доколе мы слабы еще давали бои,
Которые ни нам, ни братиев страны
На век падением конечным не грозили,
Доколе мира я надеждой льстилась,
Я ставила за честь во всем римлянкой быть.
Когда случилось, что Рима счастье зря
На оногo успех я с завистью взирала,
Сердечное сие движенье чувствуя,
Сама себе за то творила я укoры.
И ежели когда пред Альбой падал Рим,
Успехи братьев зря, я ощущала радость,
То в тот же самый час, рассудок свой собрав,
Старалась истребить веселье недостойно,
И плакала всегда, зря славу сродников.
Но днесь, когда уже сие необходимо,
Чтоб Альбе рабствовать или чтоб Рим упал,
Когда после сего ужасногo сраженья
Ни победителю не будет уж препятств,
Ни побежденным уж к спасению надежды,
Тогда к своей земле я ненависть явлю,
Хоть душу римскую всегда имети буду.
Не прилепляется мой беспристрастный дух
Ко пользе одного лишь только человека,
Ни Альбе счастья, ни Риму не хочу,
Страшуся и того, страшуся и другогo,
И стану от страны гонимая судьбой.
Доколе страшна та победа не свершится,
Я равнодушие казати буду к ним,
Но к побежденным я жаленье ощущая,
В их бедстве буду я участие принимать,

Л. 47

Не принимаючи участия во славе,
Что победители себе приобретут.
Слезами оболую мои побежденных,
А победителям я ненависть явлю.

Ю л и я

Неравны чувства твоим явит Камилла.
Супруг твой брат ее, твой брат ее жених,
Но не таким она, как ты, взирает оком
На брата своего и на любовника,
Обеих видя их во воинствах противных.
Как римский ты в себе казала прежде дух,
Тогда, смущенная, Камилла тороплива
И самых слабых битв страшилася всегда.
Победа всякая казалась ей ужасна,
И, кто б ни победил из обеих сторон,
Потоки горьких слез она лишь проливала.
Но уж вчера, когда назначен оный день,
В который должно быть решительну сраженью,
Внезапно радость дух восчувствовал ее.

Л. 47 об.

С а б и н а

Ах, сколько я себя премены ужасаюсь.
Вчера с веселием и лаской обходясь,
Она, не знаю что, с Валером говорила,
Конечно, для него брат ею мой забыт,
Иным прельщенная, не помнит Куриаса.
Но извини мою ко брату ты любовь,
Творящую во мне к Камилле подозренье,
Которо, может быть, еще и суетно.
В толь пагубны часы кто мыслит о любви?
Во время страшных бедств не нежность на уме.
Однако и никто во время бед грозящих
Со удовольствием таким не говорит
И нежностей таких друг другу не являет.

Ю л и я

Подобно так, как ты, и я сему дивлюсь.
Мне чудна кажется души толика твердость,
Чтоб, видя бедствие и ожидая гроз,
В веселье утопать и быти беспечальной.

С а б и н а

Но се Камилла к нам сама сюда спешит.
Ты испытай ее, о сем вещая с нею.
Любя тебя, она откроет все тебе,
И я оставлю вас.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Камилла, Сабина, Юлия

Сабина

Отсель я удаляюсь,
 Стыдясь тебе явить печаль и скорбь свою.
 И сердце горестью мое отягощенно
 Во единении покоитъ отхожу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Камилла и Юлия

Камилла

Почто она, почто себя от нас скрывает?
 Иль думает она, что меньше я терплю?
 Что бесчувствительно толпки бедства видя,
 Потоков горьких слез не столько я лию?
 Подобно тленещу, подобно я крушуся,
 В обих воинствах, подобно как она,
 Иль брата своего, или любезна трачу.
 Дражайший мой — мое то все, что я люблю,
 Иль за отечество свое погибнуть должен,
 Иль должен рушити отечество мое.
 И сей предмет любви к горчайшу мне мученью
 Иль должен скоро, ах, оплакан быти мной,
 Иль должен быти мной он вечно ненавидим.

Юлия

Однако меньше ты достойна жалости.
 Не столь удобно нам переменить супруга,
 Как можно пременить нам данна женихом.
 Валера ты прими, забуди Куриаса,
 Не будешь трепетать, не станешь унывать,
 Не будешь ты иметь в стану, противном Риму,
 То, что сердце днесь твое крушит и рвет.

Л. 48 об.

Камилла

Давай советы мне теперь, но беспорочны,
 И о несчастиях моих ты сожалей,
 Не показуя мне к бесславию дороги.
 Хотя несчастия мои безмерны суть,
 Я буду их уметь сносить великодушно
 И не соделаю себя достойной их.

Юлия

Иль то пороком чтишь, что есть необходимость?

К а м и л л а

Или простительно рушенье наших клятв?

Ю л и я

Что к нашему врагу нас может обязати?

К а м и л л а

Но что от клятвы нас возможет свободить?

Ю л и я

Напрасно хочешь скрыть то, что уж всем известно.
С Валером зрела я вещающу тебя,
Приемы ласковы, что ты ему являла,
Надеждой сладкою его удобны льстить.

К а м и л л а

Со радостным лицом вчера я с ним вешала,
Но может ли ему надежду то подать?
Вещая с ним, иным предметом утешалась.
Узнаешь то тогда, что обманулась ты,
Коль радости моей тебе вину открою.
Не чти меня, не чти клятвоприступницей:
Я твердую любовь храню ко Куриасу.
Вспомни время то, когда его сестра
Со братом сопряглась моим счастливым браком.
Тогда и Куриас у моего отца
В невесты испросил меня любви в награду.
Сей день был счастлив нам и купно несчастлив.
Союзом связаны в день оный наши дома,
Но в тот же день союз разрушен меж царей.
И брак наш, и войну единый час устроил,
Надежду подал нам и паки ону рушил,
И все нам обещав, похитил все у нас.
Любовью нас плена, соделал нас врагами.
Ах, сколько бедствие сие нас тронуло,
Колико я тогда лила потоков слезных,
И сколько он тогда против богов роптал.
Я больше не скажу, ты все сама то зрела,
Колико мучались мы, разлучаяся.
Ты после видела моей души страданье,
И знаешь, сколько я, смущаяся войной,
Алкала тишины благополучна мира,
И сколько слез лила, то за любовника,
То за отчество, в опасности их видя.
И, наконец, не зря я бедствиям конца,
Ко предприцателям в отчаяньи прибегла.
Внимай, удобно ль то, что слышала вчера,
Отчаянной душе моей подать отраду.
Тот грек, который нам уже от давних лет

Л. 49

Предбудуще всегда толь точно предвсщает,
 Конец моим бедам мне тако предсказал:
 «Рим завтра с Альбою свои пременит виды,
 Спокойство мирное их стены окружит.
 Во всем твое, во всем желанье совершится,
 Сосдинишься ты с любовником навек
 И больше никогда ты с ним не разлучишься».
 Предвестьем таковым уверилася я,
 И как успех мою превосходил надежду,
 Я душу всю свою восторгам предала.
 Дивися моего ты силе восхищенья.¹⁵
 Валера встретила, он мне сносное стал,
 Бесскучно о его я слушала любви,
 Позабывая то, что с ним вещала я.
 Я хладности ему нимало не казала,
 И без презрения снося Валера речь,
 Во всем, что видела, я зрела Куриаса,
 Во всем, что слышала, внимала глас его.
 В сей день назначено решительно сраженье.
 Я, слыша то вчера, забыла обо всем.
 Предметы страшные все в мыслях помрачались
 Надеждой сладостной лишь брака моего.
 Но ночь рассеяла те лестны вображсьни.
 Ужаснейшие сны, кровавы образы
 И в мыслях лютое мечтанье страшных боев.
 Мечталась только смерть, и кровь одна мечталась,
 И все, увы, во сне мой страх усугубляло.

Ю л и я

В противном смысле ты теперь толкуй сей сон.

К а м и л л а

Хоть сбудется, хоть нет — иного я желаю,
 Но несмотря, увы, на все пророчество,
 Не мир готовится, готовятся ко брани.

Ю л и я

Сим кончится война, настанет жданный мир.

К а м и л л а

Пусть вечно длится зло, коль нет иного средства.
 Хоть Рим, хоть Альба ли в сей страшный день падет,
 Дражайший Куриас не будет мне супругом.
 Во веки браком я не сопрягуся с тем,
 Кто Рима будет раб иль будет победитель.
 Но что я зрю теперь, тебя ли, Куриас?

¹⁵ То есть: ты дивися силе моего восхищенья.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Куриас, Камилла, Юлия

Куриас

Увидь того, увидь, дражайшая Камилла,
Который днесь ни раб, ни победитель Рима,
И не страшись, чтоб иль бесчестье уз,
Иль римска кровь мою б десницу помрачила.
Я знал, что ты, любя отечество и честь,
Должна в любовнике, конечно, ненавидеть
И победителя и римского раба,
И я, страшась оков, страшась и победы...

Л. 50 об.

Камилла

Довольно, Куриас, я вижу мысль твою.
Бежишь желаньям твоим противна боя¹⁶
И предан мне во всем. Чтоб не сгубить меня,
Отечество своей ты помощи лишаешь.
Пускай иной в сей час, взирая на сие,
Что столько любишь ты, за то тебя порочит.
Не мне тебя, не мне осталось в том винить.
Чем более твоя ко мне любовь явится,
Тем больше я тебя за то должна любить.
Но зрел ли моего родителя ты ныне,
Дозволил ли тебе он в дом его вступить?
И им отечество не предпочтено ль крови?
Не первенствует ли Рим в мыслях у него
Пред дочерью его, тебя котора любит,
Блаженство наше днесь со всем ли утверждено?
Как зятя он тебя иль как врага приял?

Куриас

Как зять я принят им со дружеством и лаской,
Но не изменю я в город ваш вошел.
Я вшел сюда, свосй не помрачая чести,
И пользы своего не предал общества.
Я честь еще люблю, Камиллу обожая.
Я, быв любовником, гражданин был прямой
Во все те дни, когда оружие гремело.
С любовью моей хранил я к Альбе долг,
Сражался за нее я, по тебе вздыхая,
И, несмотря теперь на сильну страсть мою,
Коль длилася б война, еще б я был при войске.
Днесь мир восставленный отверз мне вход сюда,
И миру мы должны любви нашей счастьем.

¹⁶ То есть: бежишь боя, противного твоим желаньям.

Мы миру тем должны, могу ль ему поверить?

Ю л и я

Поверь, Камилла ты, предвестнику сему.
Но коим средством в мир война преобразилась?

К у р и а с

Кто думать мог сие? Уж оба воинства
К сраженью двинулись, пылая равным жаром.
Гроза на их очах и смерть была в руках,
Лишь повеления к начатью ожидали.
Тогда диктатор наш выходит из рядов
И персмирия у римляней он просит,
Которо получив, воздвигнул тако речь:
«Что деласм? К чему мы, римляне, стремимся?
Почто друг друга мы желаем истребить?
Да просветит наш дух луч здравого рассудка.
Соседи близки мы и все мы сродники,
В нас кровь одна, и мы один народ в двух градах.
За что домашней нам себя войной терзать,
Где кровь лия врагов, слабеет победитель,
Где лавр всегда омыт потоком горьких слез?
Все наши общне завистны сопостаты
С веселием теперь того лишь только ждут,
Которая страна другою истребится,
Чтоб в добычь получить ту, что своей рукой
Другую пред собой повергнет в брани лютой,
Победой помощи сама себя лишит.
Давно раздорами, которы нас смущают,
Коварный веселят злодси наши дух.¹⁷
Свои противу их соединим мы силы,
Развраты наши все забвенью предадим,
Которы воинов дают нам добрых славу,
Но сродственниками худыми нас творят.
Коль честолюбие повелевать друг другом
В сей день на страшну брань вооружает нас,
Чтоб удовольствовать сие нам честолюбье,
Немногой кровию мы можем делать то.
Мы изберем бойцов за первенство сражаться,
Возложим бремя мы и благо общсе
Народов обеих на рамена немноги.
Пускай победой их, иль их паденьем,
Кому покорствовать или владеть решится.
Преднишет храбрость их, кому начальствоватьъ.
Но, чтоб без подлости покорство оно было

Л. 51 об.

¹⁷ То есть: наши злодеи веселят коварный дух.

Л. 44

И побежденные чтоб не были рабы,
Без посрамления судьбине повинуюсь
И победительским знаменам следуя,
Без низости б за них сражались повсюду,
Чтоб наши области одна была страна».
Казалось, будто бы с диктаторовой речью
Горящий перед сим наш кончился разврат.
И всяк, воззрев на строй врагов вооруженных,
Иль видит сродника, иль друга познает.
Чудятся все, и все того понять не могут,
Что, жаром ярости наполнивши их дух,
К кровопролитию их ближних приводило.
Все вдруг к сражению охоту отвратить
Желание явят к избранию бойцов,
И мирный договор уже на сем основан.
От каждой стороны три будут избраны,
Что смертью своей толких жизнь избавят.
Но, чтоб избрать к сему граждан, достойных бою,
На несколько часов сие отложено.
Начальствующий над Римом суд в Сенате,
А наши во шатрах советуют в стану.

К а м и л л а

Благодарю я вас, всеильны небеса.

К у р и а с

Чрез два часа уже по общему согласью
Судьба бойцов судьбу всю нашу разрешит.
Меж тем входить сюда и выходить мы вольны.
Весь Рим у нас в стану, и в Риме весь наш стан,
Все дружбу прежнюю возобновляют паки,
А я, покорствуя единой лишь любви,
С твоими братьями вошел во грады Римски,
И столько счастлив я в желаниях моих,
Что к завтраю наш брак твоим отцом назначен.
Ты воле отческой покорна будешь ли?

Л. 44 об.

К а м и л л а

Вся должность дочери в покорстве состоит.

К у р и а с

Пойдем в сей час его прияти повеленье,
От коего мос зависит счастье.

К а м и л л а

Я к братьям днесь пойду, чтобы еще услышать
Конец всех наших бедств.

Ю л и я

И я пойду к богам,
Чтоб за щедроту им принести благодаренье.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

л. 45

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гораций и Куриас

Куриас

Почтенья своего Рим к вам не позабыл,
Спасенис свое Горациям вручает.
Сей пышный град, тобой и братьями гордясь,
Пред всеми только вас одних предпочитает,
И, храбростью своей дерзая, он на все
Единым домом лишь всей Альбе угрожает.
Все блага онаго зря в ваших лишь руках,
Нам мнится, кроме вас нет римлянсй на свете.
Три дома честию сей выбор бы покрыл
Три дома от того б блистали вечной славой.
И как моя сестра уже тебе женой,
Твоя ж сестра моей супругой будет вскоре,
То в славе ваша участь я беру.
Однако сильный страх мою смущает радость,
И ваше мужество, толь славное в войне,
Уже в сей час меня страшит паденьем Альбы.
Я зрю уже, я зрю несчастье ее,
Коль с ней сразитесь вы, она погибнет точно.
Избраньем вашим рок ей гибель предписал,
И подданным себя я вашим почитаю.

л. 45 об.

Гораций

За Альбу не страшись, о Риме сожалеи,
То зря, кому свое он благо поручает.
Для трех Горациев достойнейших забыл,
Толико храбрых он мужей в себе включая,
Он ослепляется, без мыслей нас избрав.
Чад множество его, которы нас достойней
Могли бы днесь его удобней защитить.
Но хоть во брани сей я зрю свою погибель,
Однако оным я исканием горжусь.
Мой слабый дух надмен претвердою надеждой,
От малой храбрости я чаю многого.

л. 52

И что бы надо мной судьба ни совершила,
Я подданным твоим еще себя не чу.
Рим много на меня надежды возлагает,
Но верь ты мне, что сим мой восхищенный дух
Или во всем его желание исполнит,
Или оставит жизнь. Кто хочет умереть,
Иль хочет победить, не побежден тот будет.
И Рим, поверь мне в том, не будет покорен,
Доколь не испущу последнего дыханья.

Куриций

Сие то, ах, меня ввергает в люту скорбь.
Чего отчество желати принуждает,
Тем дружество мое к тебе меня страшит.
О мысль ужасная! Под игом видеть Альбу,
Иль видеть власть ее утратой дней драгих!
Чтоб счастье ее твоей главой достиглось,
Чего желати мне? Какой утечи ждать?
Куда ни обращусь, везде лить слезы должно.

Гораций

Что слышу, Куриец, ты будешь слезы лить,
Зря за отчество меня упавша жертвы!
Великия души такая лестна смерть.
Не тернит токов слез за ней грядуща слава.
И я б во гроб вступал, благодаря свой рок,
Коль смертию б моей не столько б Рим утратил.

Л. 52 об.

Куриций

Страшиться одного позволь твоим друзьям.
Во смерти твоея они лишь только жалки,
Тебе останется вся честь, а им вся грусть.
Бессмертен только ты, они несчастны будут.
Но Флавиан спешит мне нечто возвестить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гораций, Куриций, Флавиан

Куриций

Ужель трех ратников своих избрала Альба?

Флавиан

Я весть о том принес.

Куриций

Кто суть те воины?

Ф л а в и а н

Ты с братьями.

К у р и а ц и й

Кто, я?

Ф л а в и а н

Ты с братьями твоими.
Почто ж смущенный свой ты отвращашь взор,
Или избрание сие тебе противно?

К у р и а ц и й

Я сим избранием внезапно поражен,
Я недостойным чтил себя толикой чести.

Ф л а в и а н

Велишь ли мне о том диктатору сказать,
Что ты без радости толику честь приемлешь?

К у р и а ц и й

л. 53

Скажи ему, скажи, что дружба и союз
Не восприпятствуют трем братьям Курицам
Против Горациев служить отечеству.

Ф л а в и а н

Противу их! Теперь все ясно понимаю.

К у р и а ц и й

Иди с ответом ты, в покое нас оставь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гораций и Куриаций

К у р и а ц и й

Хотя бы небеса, земля и весь тартар
Воздвигли против нас свирепую войну,
Все б было сноснее ужасной оной чести,
Которую в сей час обсим нам творят.

Г о р а ц и й

Судьба, котора нам путь к славе отверзает,
По нашей твердости и честь нам подает.
К снесению нам бед все силы истощает,
Чтобы сравняться со нашим мужеством.

И как она в нас двух не низки видит души,
 То для того бедой безмерной тяготит.
 Сражатися с врагом за общее спасенье,
 Против незнама удары направлять
 Простого мужества есть действие обычно,
 То многи делали и многи сделают.
 И за отчество окончить жизнь во брани
 Есть толь завидна смерть, что все на то идут.
 Но обществу принести что любим мы на жертву,
 С любезным сродником вступить храбро в бой,
 Разрушити союз нежнейшия любви,
 Со братом жениным, с любовником сестры
 За благо сограждан, забывши все, сразиться,
 Дражайшу собственну за них пролити кровь, —
 Пристойна только нам такая добродетель.
 Во удивление толикой славы блеск
 Всех смертных приводя, на зависть не подвигнет,
 И редкий смертный так прославиться дерзнет.

Куриций

То правда, имена ввек наши не погибнут.
 Великий случай нам ко славе предстоит,
 Мы добродетели зерцала редкой будем,
 Всех в удивление мы оным приведем.
 Но мужество твое на варварство походит.
 Велики души сим к бессмертию путем,
 Поверь, Гораций, мне, достигнуть не хотели б,
 И как бы кто сию мечту ни почитал,
 Сиянья такова есть темнота милее.
 Ты знаешь то, что я, ступая долго в след,
 Ни нашим дружеством, ни братством не смущаясь,
 Отечества всего избрание приял.
 Почтенье равное мне Альба изъявляет,
 Которое тебе в сей день твой Рим творит.
 Я так же, как и ты, служити Альбе льшуся,
 Равно мой дух есть тверд, но все я человек.
 Лить кровь мою тебе повелевает слава,
 Мне честь велит твою пронзити грудь мечем.
 Любя сестру, увы, сгубити должно брата.
 Хотя я к должности без ужаса стремлюсь,
 Я жалок сам к себе, завидую я тем,
 Которы в сей войне уже живот скончали.
 Хотя без трепета исполнить долг иду,
 Прельщаюсь честью сей, не ослепляясь ею.
 Я то высоко чту, что мне она даст,
 Но трачу с жалостью, что у меня отъемлет.
 И если пышный Рим сей больше твердости
 Во гордости своей от чад своих желает,
 Благодарю богов, что я не римлянин
 И что еще в сей час подобен человеку.

Гораций

Коль ты не римлянин, то тщися оным быть.
Быть хочешь равен мне, но быти не умеешь.
Ко добродетели, которой я горжусь,
Ни малой слабости мой дух не приобщает.
Не будет славен тот, кто чести в путь входя,
Сам славы своя сияния страшится.
Велики бедствия нам ныне настоят,
Ужасная напасть, несчастие безмерно.
Я вижу все сие и, зря, не трепещу.
Против кого б меня днесь Рим бы ни поставил,
Я слепо, с радостью, приемлю честь сию.
И толь преславные гражданам повеленья
Все протчи чувствии должны уничтожать.
Кто, должность получив, взирает на иное,
Тот без усердия ступает к должности.
Священный узел сей все узлы прерывает.
Рим выбрал днесь меня, я ни на что не зрю.
С какою радостью с сестрой я сочетался,
С такою ж радостью и с братом я сражусь,
И, словом, ты мне враг, и я тебя не знаю.

Куриций

Л. 54 об.

Но знаю я тебя, и вот что дух мой рвет.
Я добродетели не знал твоей жестокой,
Что бедству нашему безмерностью равна.
Я удивляюсь ей, но ей не подражаю.

Гораций

Ты добродетели такой не принимай,
Которую тебе исполнити не можно.
Когда находишь ты утеху в жалобах,
По воле свося ты наслаждайся ими.
И се моя сестра идет с тобой стонать,
А я пойду к твоей ей душу укрепить,
Явила чтоб она достойну мне жену
И чтоб, прияв в сей час пристойныя мне мысли,
Любила бы тебя, хоть я тобой умру.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гораций, Куриций, Камилла

Гораций

Известно ли сестре избраньс Курица?

Камилла

Я ведаю, что мой переменился рок!

Гораций

Терпением вооружись, будь мне, сестра, достойна.
Когда он, умертвив меня, придет к тебе,
Прими его, прими не как убийцу брата,
Но как исполнивша ко честию свой долг,
Который, за свое отечество сражаясь,
Явил то всем, что он тебя достоин есть,
И брак с ним соверши, забыв убийцу брата.
А ежели мой меч его преторгнет век,
После победы ты меня прими подобно
И смертью жениха меня не укоряй.
Я вижу, хочешь ты пролить потоки слезны,
Спираются в груди дыхании твои.
Л. 55 Пролей пред ним, пролей души твоей всю слабость,
Вини и землю ты, вини и небеса.
По окончании лишь наша ты брани
Забудь того навек, который мертв падет.

(к Куриацию)

На час един тебя я с нею здесь оставлю,
А после ты пойдешь, куда нас честь зовет.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Куриаций и Камилла

Камилла

Ты идешь, Куриец? И толь жестока слава,
Котора наше все блаженство погубит,
Возможет ли тебе, жестокий, быть приятна?

Куриаций

Увы, мне должно днесь умереть от тоски
Иль от Горация. Вступая в путь сей славный,
Я, как на казнь, иду и честь свою клянущу,
Котору за мою творит мне храбрость Альба.
К преступку я влекусь отчаяньем моим,
Против небес ропщу я, на богов дерзая.
Жалею я тебя, жалею и себя,
Но должно мне идти на место лютой чести.

Камилла

Ах нет, жестокий, ты быть хочешь мной просим,
Чтоб власть моя тебя пред Альбой извинила.
Довольно славен ты уж мужеством своим,
Ты Альбе заплатил то все, чем ты ей должен,
В сей пагубной войне тебя кто превзошел?
Кто более тебя губил гражданей наших?

Уж больше честь твоя не может возрасти,
Пускай иной теперь прославиться восхочет.

Л. 55 об.

Куриций

Чтобы я допустил готовым для меня
Главу и нова днесь венчать бессмертным лавром
И чтоб отечество могло мне то сказать,
Что если б за него я восхотел сразиться,
То, защищенно мной, не пало бы оно;
Что усыпленная мою страстью храбрость
Все прежние мои похвальны подвиги
Прегнүснейшим теперь бесчестьем окончала.
Нет, Альба после сей мне чести сделанной,
Никем иным, как лишь единым только мною
Падение твое или победа будет.
Ты предалася мне, я стану за тебя,
Жизнь честно сохраню иль без стыда умру.

Камилла

Или не видишь ты, что мне тем изменяешь?

Куриций¹⁸

Я прежде, нежели Камилле должен быть,
Быть должен Альбе всем.

Камилла

Сестру свою супруга
Лишити хочешь ты и зятя умертвить.

Куриций

Несчастье судьба нам предписала.
И наши отчества, избравши к бою нас,
Из ближних сродников нас сделали врагами.

Камилла

Жестокий! Можешь ли, представ с его главой,
Просити у меня руки моеи в награду!

Куриций

Не должно мне о сем уж больше помышлять.
В сей страшный день тебя любити без надежды —
Вот все, что я могу. Камилла, плачешь ты.

Л. 56

Камилла

Ах, как не плакать мне! Жестокий мой любовник
Велит мне умирать, когда желанный брак

¹⁸ В рукописи ошибочно: Камилла.

Свечи свои для нас во храме воспалает.
Ты сам, их погасив, мне отверзасшь гроб
И, убивая мя, вещасшь, что ты любишь.

Куриаций

О, сколько сильны суть возлюбленные слезы,
Как дух мой страждущий смягчается тобой,
И, видя скорбь твою, моя слабеет твердость.
Не вооружайся ты на славу днесь мою,
От слез твоих позволь спасти мне добродетель,
Я чувствую, что днесь колеблется она.
Чем более к тебе любви ощущаю,
Тем меньше чувствую я мужества в себе.
Противу дружбы я уж слабо защищался,
Увы, могу ли днесь любовь преодолеть?
Престань меня любить, не лей потоков слезных,
Или, чтоб честь спасти, я оскорблю тебя,
От гнева твоего удобней защищуся.
Я ненавищу твою желаю заслужить,
И, чтоб исполнить то, скажу: «Тебя не знаю».
Неблагодарному любовнику отмсти,
Карай преступника, Камилла, ты презрешь.
Но ты, жестокая, не хочешь мне отмщать.
Я гневаю тебя, а ты, несчастна, любишь.
Но что еще вещать, чтоб истребить любовь?
От верности к тебе своей я отрицаюсь!
О долг, жестокий долг! Чем жертвую тебе!
Исполнить не могу тебя без преступленья.

Камилла

Будь виновен только в том, и я тебе клянусь,
Что больше я тебя еще любить стану.
Я буду обожать неверного тебя,
Лишь только не возноси своей руки на брата.
Почто римлянка я! Почто ты не римлянин!
Свою б я рукой тебе сплела венец,
Не удержала бы, но ободрила б к брани,
Как брата своего подвигла б в бой тебя!
Увы, несчастная, я, ободряя брата,
Не знала, что его стремлю я на тебя.
Но сей и сам мой брат сюда опять приходит.
А ежели над ним его супруги власть
Толико, как моя, слаба над Куриацом,
О, как несчастна я!

Л. 56 об.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ¹⁹

Гораций, Куриций, Сабина, Камилла.

Куриций

Увы, Сабина с ним!
Чтоб твердости моей разрушить остатки
Ты представляешь мне, о рок, еще сестру.

Сабина

Ах, нет, любезный брат, твоя сестра приходит,
Чтобы в последний раз тебе сказать прости.
О крови твоея не мысли столько низко,
Не возмущу сердец я ваших твердости.
И если б бедствие ваш дух поколебало,
Я отреклася бы немедленно от вас.
Но вы позвольте мне предстать вам с прошеньем,
Которо обних достойно будет вас.
Хочу избавить я и брата, и супруга
От злодеяния, мрачашего их честь,
Чтоб вы прославились, не сделав преступленья,
И чтобы ваша брань была законная.
Связующего вас священного союза
Я узел емь одна, соединяющ вас.
Союз тот рушится, когда меня не будет,
Прервите мною цепь вы вашего родства.
И если ваша честь вас к злости привлекает,
То смертию моей купите право днесь,
Чтобы друг друга вам смертельно ненавидеть.
То Альба вам велит, и то велит вам Рим.
Вы повеленьям их должны повиноваться.
Пускай один сразит, другой меня отмстит.
Тогда ваш странный бой законным боем будет
И кто-нибудь из вас другому отомстит
Иль за сестру свою, иль за свою супругу.
Но что, увы, свою вы помрачите честь,
Когда сразитесь за что-нибудь иное.
Усердь к обществу единый ваш предмет.
Не столь к отечеству вы ревности явите,
Сколь не потщитесь природы одолеть.
Вам должно ближнего, его не ненавидя,
На жертву своему отечеству принести.
Не отлагайте же того, что должно делать.
Начни, супруг, его ты жертвовать сестрой,
А ты, мой брат, а ты начни его супругой.
Пронзайте грудь мою и днесь Сабиную
Начните не щадить моей преславной крови.
Друг другу вы враги во брани лютой сей,

Л. 57

¹⁹ В рукописи ошибочно: четвертое.

Ты Риму, Альбе ты, а я обеим вам.
 Или хотите вы, чтоб, зря победу вашу,
 На брате зрела бы иль на супруге лавр,
 Дражайшей кровию толь злобно орошенный?
 Могу ли я тогда исполнить должности
 Супруги и сестры? Поправшего лобзая,
 Могу ль оплакивать я побежденного?
 Сего удара я дожити не желаю
 И смертью моей напасть предупреджу.
 Сражайте грудь мою, сердца бесчеловчны.
 Чтобы принудить вас Сабину погубить,
 Я много средств найду. Во время вашей брани
 Меж ваших кинуся отчаянно мечей
 И грудию своей остановлю удары.
 Вы будете должны, чтоб погубить себя,
 Сражаясь меж собой, сгубить Сабину прежде.

Г о р а ц и й

Супруга!

К у р и а ц и й

О, сестра!

К а м и л л а

Они смягчаются.

С а б и н а

Вы воздыхаете, бледнеют ваши лица.
 Чего страшитесь? Где ваше мужество?
 Героев ли я зрю, избранных Римом, Альбой
 Для защищения блаженства сограждан?

Г о р а ц и й

Что сделал я тебе и в чем я преступился,
 Что ты к отмщению такому прибегаешь?
 Почто, вооружась против моей ты чести,
 Со всею силою весь дух колеблешь мой.
 Довольствуйся, меня сейчас приведши в слабость,
 И дай мне совершить, что должность мне велит.
 Люби меня, люби, над мной не торжествуй.
 Оставь меня, оставь, пооди отселе прочь.
 Я жалостью своей довольно посрамился.
 Пооди отсель и дай мне с честью умереть.

С а б и н а

Ты не страшись меня, идут к тебе на помощь.

Старый Гораций, юный Гораций, Куриаций,
Сабина, Камилла

Старый Гораций

Что вижу я? Вы здесь, внимаючи любви,
Теряете часы со слабыми женами?
Готовясь лити кровь, взираете на слезы?
Оставьте их свои оплакивать напасти,
Страшитесь ослабеть, их внемля жалобам,
От нападенья их скорей спасайтесь бегством.

Сабина

Ты не страшись того, они тебя достойны
И все исполнят то, чего от них желаешь.
Коль наша горесть их могла поколебать,
Чтоб ободрити их, останься здесь ты с ними.
Пойдем, Камилла, мы, не тратя наших слез,
Против их мужество то слабое оружье.
А нам отчаянье осталось одно.
Идите драться вы, а мы пойдем умереть.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Старый Гораций, юный Гораций и Куриаций

Юный Гораций

Мой отче, удержи стремление сих жен,
Не выпускай отсель во время нашей брани.
И без сомнения, они наш бой прервут, —
За нашу хитрость все сие считати будут.

Старый Гораций

Потшусь их удержать, уж братии вас ждут,
Ступайте к ним в сей час свою исполнить должность.

Л. 58 об.

Куриаций

Могу ли я сказать в сей час тебе прости?

Старый Гораций

Не приводи моих ты чувствий ныне в жалость.
Чтоб ободрити вас мне слов не достает,
И сам, о небо, я, прощаясь с вами, плачу.
Ступайте к должности, и боги все решат.

КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сабина одна

Сабина

К которых страны, несчастной мне, склониться?
И кто, о боги, я в сей, полный бедством, день,
Курьяцова ль сестра? Горацьева ль супруга?
Природы и любви глас слышу вопиющий,
И, ах, с обсеми меня связует долг.
Великодушие я им приму подобно
И буду купно я супругой и сестрой.
Я с радостью на их взирати буду славу,
Их твердость восприму, престану трепетать.
Грозаящая им смерть подаст им честь бессмертну,
Без страха буду ждать известия о том.
Я буду лишь взирать на их причину боя,
Из мыслей истребя, кто днесь сражается.
Зря победителя, себе представлю славу,
Которою он свой навек наполнит дом.
В едином я жена, и дочь в другом я доме.
Толь тесным с ними я узлом сопряжена,
Что должен ближний мой увенчан быти лавром.
К чему бы рок в сей день меня не осудил,
Возрадоватися во всем я вижу средства.
Теперь без ужаса могу воззреть на брань,
Без огорчения могу увидеть мертва
И победителя без омерзения.
О мысли тщетные, о слабый свет надежды,
Который только лишь мне очи омрачил!
Подобно молниям, в огне быстроблестящим,
Которые, сверкнув, сугубят темноту,
И ты на час блеснул моим очам слезящим,
Чтоб пуще в темноту несчастну погрузить.
Отраду тщетную давал моим ты мукам,
И чтобы отомстить за кратки радости,
Которые себе я тщетно днесь мечтала,
Сугубят скорь мою свирепы небеса.
Удары смертны мне вдруг сердце прободают,
Которые грозят и брату, и супругу.
Когда кончину их я в мыслях представляю
И на причину я взираю брани их,
И помню только то, кто днесь сражается,
И побежденных стон лишь трогает мне душу,
А победителей мне слава уж не льстит.
В едином я жена, и дочь в другом я доме.
Толь тесным с ними я узлом сопряжена,

Л. 59

Что должен ближний мой погибнуть непременно.
Вот жданно мной моей спокойствие души.²⁰

Л. 59 об.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С а б и н а и Ю л и я

С а б и н а

Ужель свершилось все? Каким приносишь вести?
И кто в сей час погиб, мой брат или супруг?
Успехи лютые их храбрости жестокой
Сражающихся кровь до капли ль пролили?
Кто ненавистный мне остался ль победитель,
Иль должно мне уже оплакивать всех?

Ю л и я

Или не ведаешь, что там происходит?

С а б и н а

Или не знаешь ты, что мне с Камиллою
Нельзя идти отсель, что долг сей нам темницей?
Страшася наших слез, не выпускают нас.
А если бы могли мы выйти вон отселе,
Мы б бросились среди свирепых их мечей
И к сожалению подвигли б оба войска.

Ю л и я

Нет нужды к жалости их ныне приводить.
Един их вид уже сражение прервал.
Лишь только сродники сии на брань предстали,
В обеих вдруг станях роптание простерлось.
Зря ближнюю родню, за отчество готову
На жертву принестись и кровь своих пролить,
Иной от жалости лиет потоки слезны,
Иной, смущаяся, от ужаса дрожит,
Иной свирепыя их ревности дивится
И добродетель их возносит похвалою,
Иной жестокостью и зверством называет.
Но все за выбор сей начальников винят,
И все, ужасным чтя толь варварско сражение,
Отвсюду стекшися, расторгли бранноносцев.

Л. 60

С а б и н а

О, сколько должно мне благодарить богов!

²⁰ То есть: вот жданное мной спокойствие моей души.

Ю л и я

Не все еще, не все, Сабина, ты познала.
Надежда есть тебе, сменилось бедствие.
Но есть еще, чего тебе страшиться должно.
Напрасно пошадить стремятся сродников.
Жестокис на то не могут согласиться,
Им слава столь лестна, сколь горды их сердца,
Что в те часы, как их жалеют оба войска,
Они себя одни всех счастливей зовут
И сожаленье их обидой почитают.
Им мнится, что их честь та жалость помрачит,
И в ярости хотят противу войск стремиться
И лучше умереть противу войск, которые
Для избавленья их законы применяют,
Как бой оставити, к чему суть избраны.

С а б и н а

Так в лютости своей сердца их непременны.

Ю л и я

Смятенны воинства в убийстве им претят
И требуют или иных бойцов избранья,
Иль целым воинством все дело то решить.
Присутствие вождей не утишает бунта,
Сомнительна их власть, не внемлется их глас.
Смятеньем устрашась, сам царь сие рек слово:
«Когда раздора огонь терзает наш покой,
Прибегнем мы к богам и их о том спросим,
Премена будет ли бойцов угодна им.
Тогда, когда явят свою бессмертны волю,
Осмелится ли кто противу их восстать».
Замолк, и речь сия, равно как нека прелесть,
И шестерых самих смягчаючи бойцов,
Оружие из рук незанно исторгает.
И к славе та алчба, что очи им мрачит,
Как ни слепа, однак бессмертных почитает,
И мысли Туллия их уступает жар.
Подобно как они, так купно оба войска,
Как будто одному властителю служа,
Покорны Туллию — его преемлют волю,
И приношенье жертв уж все теперь решит.
Свириной брани сей бессмертны не допустят,
И я надеюся на милосердье их.

Л. 60 об.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сабина, Камилла, Юлия

С а б и н а

Сколь радостную весть ты от меня услышишь.

К а м и л л а

Я ведаю о всем и слышала ты весть,
Когда родителю об оном доносили,
Но скорби моя она не облегчит.
И отдаление толь страшных нам напастей,
Не уменьшив беды, ее ожесточит.
То продолжение лишь нашего мученья.
И только то одно в утеху будет нам,
Что мы позднее лишь несчастных сих оплачем.

С а б и н а

Но боги не вотще внушили войскам бунт.

К а м и л л а

Скажи, что тщетно их днесь будут вопрошати.
Сами бессмертные внушили Туллию
Избрание сие, и глас всего народа
Не навсегда глагол бессмертных есть богов.
Не в низкие сердца они с небес нисходят,
Но во сердца царей, которые на земле
Подобие их суть, которых сильна власть
Есть сокровенный луч их сильна божества.

Л. 61

Ю л и я

Сама себе в сей час ты горесть составляешь.
Не хочешь верити предвестиям богов,
Забыла, что вчера предсказано тебе.

К а м и л л а

Но в предсказаниях всегда есть тмен смысл.

С а б и н а

Однако можешь ты вкушать надежды сладость,
Коль руку милости отверзло небо нам.
Не част оной кто, тог оной недостоин.
Нередко благодать, лиющаяся с небес,
Сим огорченная, отъемлетя от нас.

К а м и л л а

В подобных случаях без нас все строит рок,
И не по наша все воли устрояет.

Ю л и я

Чтоб благодать показать, был рок к тебе жесток.
Прости, иду о всем теперь узнать подробно.
Умерь ты ужас свой. Надеюсь, возвратясь,
С тобою говорить лишь о твоей любви
И весь остаток дня сего употребить
Ко угованью тебе приятна брака.

С а б и н а

И я надсюся.

К а м и л л а

Но я сего не чаю.

Ю л и я

Увидишь ты, что мы тебя правдивей мыслим.

Л. 61 об.

Я В Л Е Н И Е Ч Е Т В Е Р Т О Е

С а б и н а, К а м и л л а

С а б и н а

Позволь сказать мне, что я твою тоску
И все теперь смятение порочу.
Что б делала тогда, когда б ты так, как я,
Должна была страдать, подобно мне, теряя?

К а м и л л а

Правдивее равняй с своим ты зло мое,
Всегда беды других нам кажутся сноснее.
Но если разберешь несчастье мое,
Пред ним твое не что иное, как мечтанье.
Лишь смерть Горация одна тебя страшит,
И братья ничего не значат пред супругом.
И брак, связуя нас с породой иной,
От собственных нас породы отвлекает.
С супругом съединясь, не помним сродников.
Но нам родителем назначенный любовник
Супруга меньше хоть, но брата он не меньше.
Смушается наш дух меж ними в равновесьи
И их, равно любя, равно к ним клонится.
Ты знаешь днесь к кому стремить свои желанья,
И ведаешь, о ком днесь больше сожалеть,
А я всего страшусь, чего желать не зная.

С а б и н а

Не право судишь ты, нельзя забыть родню,
И гласа крови брак вовек не помрачает.
Любя супруга, мы любить и братьев можем,
И завсегда хранит свое природа право.
Как наш супруг, равно они нам милы суть.
Но тот, которым ты, Камилла, днесь сгораешь,
По воле твоя тебе быть может мил.
Все может погасить твоей любви пламень,
От малой ревности проходит жар се.
Ты не ровняй родства с волнением гнусным страсти.

Л. 62

Порочно сравнивать союзы самовольны
С союзами, что в нас природа и рожденье
Необходимыми и нужными творят.

К а м и л л а

Я вижу, никогда ты прямо не любила,
Не знаешь ты любви и власти оныя.
Вначале можно ей еще воспротивляться,
Но ежели она уже усилилась,
Из сердца истребить ее тогда не можно.
А паче, коль отец, на то соизволяя,
Тирана онаго царем законным сделал,
Страсть входит с нежностью, но с силой властвует.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Старый Гораций, Сабина и Камилла

Старый Гораций

Я вести вам несу безмерно неприятны,
Однако мне того от вас не можно скрыть.
Днесь ваши братия вступили уж в сраженье,
Сам их бессмертных глас ко брани их привлек.

С а б и н а

Я признаюся в том, что я сему дивлюся.
Я больше чаяла щедроты от богов
И правосудия от них надеялась.
Не льстися ты ничем, и в бедствах таковых
Рассудок тяготит и тщетно сожаленьс.
Конец несносных бед всегда у нас в руках:
Кто хочет умереть, тот бедства презирает.
Могли бы мы теперь в присутствии твоём
В отчаяньи своем казати лживу твердость.
Но как днесь можно нам славети без стыда,
Но низко, мужеством терзаясь, ополчаться.
Искусство онос оставим мы мужам.
Чего не чувствуем, не станем тем казаться.
И не хотим, чтобы твой столько твердый дух
Творил бы жалобы на рок, взяв с нас примеры.
На нас ты, плачущих, взирая, слез не лей,
И мы единой сей лишь милости днесь просим,
Чтоб твердость ты храня, сносил бы наши слезы.

Старый Гораций

Я, не пороча слез, которы льете вы,
Мню быть довольно тверд, не проливая оных.
И, может быть, мой дух упал бы в сих бедях,
Когда бы принимал вам равное участие.

Не мысли, чтобы днесь своим избраньем Альба
 Мня против твоих ожесточила братьев.
 Они все трое мне поднесь любезны суть,
 Однако дружество превозмогла природа,
 И я к ним жалости не чувствую такой,
 Что чувствует сестра, что чувствует невеста.
 Я их врагами чту, сынам желая благ.
 Благодаря богов, они достойны Рима,
 И ни малейший страх их славы не затмил.
 Уже их чести лавр довольно тем вознесся,
 Что наших войск они отвергли сожаленьс.
 Когда б на то они склонились сами робко,
 Коль малодушием потрясся б оных дух,
 Я сам бы наказал их слабость сей рукою.
 Но как противу их иных избрать хотели,
 Я признаюся в том, что был согласен с вами.
 И если б внять мой глас склонились небеса,
 Когда б иных бойцов избрала ныне Альба,
 Я б радостней сынов победоносных зрел,
 Не обагривших рук днесь кровью Куриацев.
 Но рок уже теперь иное пределил,
 И воле я богов спокойно покоряюсь.
 Прибегнув к мужеству, блаженством общества
 В напасти крайней сей я сердце утешаю.
 И вы последуйте примеру моему
 И вспомните в сей час, что обе вы римлянки.
 Ты стала оною, ты ею родилась,
 Сие названье есть сокровище драгое.
 То будет некогда, что Рим по всей земле
 За храбрость будет всем, подобно грому, страшен,
 Что вострепешет вся вселенна перед ним,
 И что властители, забыв престолов пышность,
 Названием граждан гордиться будут римских.
 Еню нашему то боги обещали.²¹

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Старый Гораций, Сабина, Камилла, Юлия

Старый Гораций

Победы ль весть с собою, Юлия, несешь?

Юлия

Несу я ведомость конца плачевна боя.
 Подвластен Альбе Рим, твои сыны побиты,
 Из оных трех один ес супруг остался.

²¹ По преданию, герой Троянской войны Эней стал родоначальником римских царей. Этот миф использован Вергилием в «Энеиде».

Старый Гораций

О, брань плачевная! Утрата смертная!
 Подвластен Альбе Рим, а чтоб свой град избавить
 Он крови всей своей пролити не хотел!
 Ты обманулася, и я сему не верю,
 Иль неподвластен Рим, или мой сын не жив.
 Породы моя я знаю добродетель.

Юлия

Как я, все с наших стен то купно видели:
 Доколс братии его еще не пали,
 Мужественно стоя, он был исколебим.
 Но после он, трема страшася быть охвачен,
 Оставил место им и спасся бегством он.

Старый Гораций

А наши воины его не поразили
 И робкого сего в свои ряды прияли?

Юлия

По сем я ничего уж больше не видала.

Камилла

О, братии мои.

Старый Гораций

Не всех оплакивай.
 Из них два славою бессмертною покрыты,
 Их честна смерть мне их утрату награждает.
 До гроба их сие блаженство проводило,
 Что видели они еще в свободе Рим;
 Живого ты оплачь, оплачь сие бесчестье,
 Которым он мои наполнил седины,
 Оплачь бессмертный стыд Горациева рода.

Юлия

Чтоб делати ему против троих?

Старый Гораций

Умреть!

Хотя б он продолжил сраженье на минуту,
 То тем позднее б Рим подвластен Альбе стал,
 И, нисходя во гроб, меня б оставил с честью.
 Довольно б сей ему за жизнь награды было.
 Всей кровью он своей отечеству лишь должен,
 И капля каждая, котору он щадил,

Бесчестие ему навеки приносили,
И каждый час его оставша живота
С бесславием его мой стыд днесь кажет свету.
Поносну жизнь его подшуся я прервать,
И, пользуясь днесь отеческим я правом,
Бесчестна наказав, вселенная явлю,
Поступком гнусным сим колико я гнушаюсь.

С а б и н а

Не внемли голосу ты гнева своего
И не ввергай ты нас в конечное несчастье.

С т а р ы й Г о р а ц и й

Сабина, может днесь утешиться твой дух,
И слабо трогают тебя несчастья наши.
Супруг твой здравствует и живы братии,
И мы отчеству подвластны твосму,
И братии твои над нами торжествуют.
Ты, видя славу их, нимало не взирасшь
На стыд, который нам изменой причинен.
Но верь, что скоро ты, подобно нам, восплачешь,
Ты мужа от меня слезами не спасешь.
Клянусь бессмертными, доколь не зойдет солнце,
Своею я рукой, меч в грудь его вонзив,
В сыновния крови позор омыти римлян.

(отходит)

С а б и н а

Пойдем за ним и гнев его мы укротим.
Доколь, о боги, нам толики бедства видеть?
Доколе будем мы в несчастии своем
Всех сродников своих страшиться повсчасно?

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ

Л. 64 об.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Старый Гораций, Камилла

С т а р ы й Г о р а ц и й

О гнусном брате ты престани мне вещать.
Пушкой подобно он своей супруги братьям
Навски от меня бсжит.

К а м и л л а

Склоняся к жалости,
Умерь, родитель мой, восторги гнева.
Увидишь ты то сам, что Рим простит ему,
Представя то к ему во извиненье,
Что храбрость множеством сго побеждена.

С т а р ы й Г о р а ц и й

На рассуждение я Рима не взираю,
Что хочет, мыслит он. Камилла, я отец,
Я особливое свое имею право.
Прямое мужество на множество не зрит,
Непобежденное пред оным упадает.
Хоть силою всегда свергается оно,
Но силе никогда оно не уступает.
С каким известисм сюда Валер идет?

Я В Л Е Н И Е В Т О Р О Е

С т а р ы й Г о р а ц и й, В а л е р, К а м и л л а

В а л е р

Я послан от царя родителя утешить
И показать ему...

С т а р ы й Г о р а ц и й

Не трать своих трудов.
Во утешении я нужды не имею.
Мне лучше видети поверженных во гроб
Рукою вражеской сынов за Рим погибших,
Как помрачивших честь постыдным действием
Два сына пали здесь за Рим, покрыты славой.

В а л е р

Но третий сын своих блаженство сограждан
И он один урон твой может наградити.

С т а р ы й Г о р а ц и й

Почто и имя в нем мое не истребилось.

л. 65

В а л е р

Единый только ты о нем так худо мыслишь.

С т а р ы й Г о р а ц и й

И я один его преступок накажу.

Валер

Но коим ты его преступком обвиняешь?

Старый Гораций

Ты бегство можешь ли хвалой превозносить?

Валер

Но бегство в случае таком весьма похвально.

Старый Гораций

Смушень ты мое сугубишь и мой стыд.
Се добродетели пример похвальный редкой,
Чтоб бегством, робостью путь к славе находить.

Валер

Но что ты говоришь о сраме и смущеньи,
Когда твой храбрый сын избавил всех от бед.
Им торжествует Рим, и им он стал властитель,
Кто сыном более тебя прославлен был?

Старый Гораций

Какое торжество? И слава мне какая,
Коль Альбе ныне мы навек покорены.

Валер

О Альбе ты твердишь и о ее победе,
Еще не зная, чем сраженье кончилось.

Старый Гораций

Я знаю, изменил отечеству он бегством.

Валер

Бежал твой сын, но чтоб граждан своих спасти,
И бегством даровал отечеству победу.

Старый Гораций

Так торжествует Рим!

Валер

Внимай, как было то,
И сына своего не обвиняй напрасно.
Оставшись один противу трех бойцов,
Он был единый цел, изъявлены те трое.
Быв слаб против троих, хотел их разлучить.
Чтобы, сражаясь со каждым особливо,
Удобней победить, он обратился в бег,

Л. 65 об.

Удачлива была ему такая хитрость.
Три братия спешат, друг от друга отстав.
Гораций, видя их в тот час несовокупных,
Стремится к первому, и то был сам твой зять.
Он, дерзновением Гораця раздраженный,
Вотще великий дух в сражении явить,
Лишенный крови, он лишается и силы.
Уж Альба, устрасая противная судьбы,
Другому вопиет спешить на помощь брату.
Бежит, но тщетно все, приближась, видит он,
Что брата нет его уже на свете боле.

К а м и л л а

Увы!

В а л е р

Однако он на место стал его,
Чтоб сына твоего победу усугубить.
Без силы мужество есть помощь слабая.
Хотящ за брата мстить, близ брата упадает.
Весь воздух восшумел от вопиющих гласов.
Глас Рима радостен, глас Альбы был печален.
Герой, увидя, наш, конец своим трудам,
Победою гордясь, к нам тако возглашает:
«Я теням братниным на жертву двух принес,
Последнего сего отдам на жертву Риму».
Лишь только он то рек, стремится на него.
Меж ними не была сомнительна победа.
Изъявлен, враг едва держался на ногах,
Он на сражение шел, как к жертвеннику жертва.
Горациев удар он принял без защиты,
И утвердилась тем держава Римская.

л. 42

С т а р ы й Г о р а ц и й

О сын, честь римлян! Мое ты утешенье,
Падуша общества нечаянна подпора.
Достойна кровь моя, душа достойна Рима,
Претвердый своего отечества ты щит.
В объятиях твоих когда могу загладить
Я заблуждение поносное тебе?
Когда могу твою чело победоносно
Слезами радости с любовью оросить?

В а л е р

Уж скоро своего ты сына здесь увидишь,
И скоро царь сего спасителя пришет.
До завтра отложил он торжества победы,
А днесь лишь пением богов благодарят.
Со сыном царь твоим остался пред богами,

Меня послав к тебе и радость объявить
И объявить печаль. Царь сам сюда придет,
Чтобы явя в сей день тебе свое почтенье,
Явить, сколь общество тобой одолжено.

Старый Горацій

Велнка для меня такая благодарность,
Посланием твоим уже я заплачен
За смерть двух чад моих и третьего за службу.

Валер

Услуги награждать он слабо не умеет.
Из рук врагов его исторгнута держава,
Велит ему сие почтенье вам явить,
Которо меньше чтит он ваша заслуги.
Пойду ему скажу, сколь чувства благородны
Во все твои дела вливает добродетель
И сколько ревности являешь ты ему.

Старый Горацій

Я много буду днесь за то тебе обязан.

Л. 42 об.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Старый Горацій, Камилла

Старый Горацій

Престань рыдать, о дочь, не время слезы лить,
Коль слава нам венцы толики соплетаст.
Не должно плакати, домашни зря утраты,
В часы, как общество победу торжествует.
Рим Альбой властвует, довольно нам сего,
Теперь все бедствни должны казаться сладки.
Ты в смерти жениха лишь тратишь человека,
На место коего найти удобно в Риме
После победы сей, который гражданин
Твоим супругом быть за честь себе не ставит.
Сабине должно мне о сем известье дать,
Ей ведомость сия удар несносный будет.
Зря братьев, сверженных супруговой рукой,
Ей более тебя стонать причины будет,
Но я надеюся ее тоску прогнать.
Рассудок укрепит ее великодушье,
И победителя не станет ненавидеть
Она, свою призвав на помощь добродетель.
Меж тем потшись свою ты слабость одолеть
И с меньшей скорбию прими ты ныне брата.
Яви в себе сестру, достойную его,
Яви ему, что с ним единыя ты крови.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Камилла одна

Камилла

л. 43

Явлю ему, явлю, что пламенна любовь
Лютейшу смерти жизнь удобна презирати,
Что злыс варвары, которых мне судьба
Родными сделала, владети мной бессильны.
Порочишь скорбь мою и слабостью зовешь.
Чем более тебя я ею прогневила,
Тем более она приятней для меня.
Нежалостный отец, отец ожесточенный!
Я с строгостью судьбы сравниваю скорбь мою.
Во кратком времени сколь рок мой прменялся.
Колико милостив, колико был жесток,
И что терпела я пред сим ударом смертным.
Возможно ль в день один толико ощущать
Печалей, радостей, отчаянья, надежды
И быти столько крат игралищем судьбы?
Предвестие богов мне сердце ободряет,
Мой сон меня страшит, назначен лютый бой,
Но мир спокойствие мне паки возвращает.
Мой брак готовится, и в тот же самый час
Любовник избран мой с моим сразиться братом.
Приводит выбор сей в отчаянье меня,
И всем, ах, всем сие избрание противно.
Разрушен страшный бой, но боги то велят.
Казался свержен Рим, единый из албанцев
Любовник мой в крови лишь братьев не багрился.
Иль мало, боги, я еще тогда страдала,
Паденье Рима зря и смерть двух братьев?
Иль много льстилась я, надеждою ласкаясь,
Любити без греха драгого моего?
Наказана за то, увы, его я смертью.
О, средство лютое, которым ведомость
О сем принесена несчастныя Камилле.
Совместник мне его принес смертельную весть,
И, о конце его в глазах моих вещая,
Открыту изъявлял он радость на лице,
Не благо общества которую рождало,
Рождала радости погибель в нем моя.²²
Он счастьем лстя себя в несчастии другого,
Подобно, как и брат, торжествовал над ним.
Но мало то, еще хотят, чтоб я в сей день
В ужасный оный день являла радости,

²² То есть: он изъявлял радость на лице, которую рождало не благо общества; в нем рождала радости моя погибель.

Чтоб победителя я подвиги хвалила
 И умервщляюще меня лобзала руку.
 В сей смертной горести, в законной грусти сей
 У них стенанье, стыд и вздохи преступленья,
 И должно почитать напасти счастьем.
 Быть должно варваркой, чтоб быть великодушной.
 Не уподоблюся такому я отцу.
 Я брату быть хочу сестрою недостойной,
 И слабости тогда нам славу делают.
 Коль должно зверем быть, чтоб быть великодушным.
 Откройтесь горести, нет нужды принуждаться.
 Когда погибло все, тогда чего страшиться?
 Я победителю предстану лишь на то,
 Чтоб огорчить его, чтоб быть ему противной.
 Вот он сюда идет, я уготовлюся
 Явить, чем я должна любезну Куриацу.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гораций, Камилла, Прокул

(Прокул несет три шага Куриацев)

Гораций

Сестра, вот та рука, которая в сей день
 За братьев обеих побитых отомстила
 И Альбу привела отчеству в подданство,
 Рука, которая судьбу двух царств решила.
 Увидь свидетелей победы моя,
 Те славы моя торжественные знаки,
 Воздай то, чем должна победе ты моей.

Камилла

Прими потоки слез, вот чем должна победе.

Гораций

В толиких радостях отместит слезы Рим.
 Смерть наших братиев, во брани убиенных
 Уже заплачена не током слез, но кровью.

Камилла

Когда они уже пролитой кровью сыты,
 Не стану больше днесь я их оплакивать,
 Забуду гибель их, тобою отомщенну.
 Но кто ж за смерть отмстит любезна моего,
 Чтобы забыть его утрату мнс в минуту?

Гораций

Ах, что вещашь ты?

К а м и л л а

Любезный Куриец.

Г о р а ц и й

О дерзость страшная сестры пренедостойной.
Мной побежденного отечества врага
Дерзаешь вспоминать и, ах, любить дерзасшь!
Порочна страсть твоя отмщением кипит.
Оставь свою любовь и не ввергай в стыд брата,
Который слышати твой стон бесчестьем чтит.
Престань к врагу пылать и погаси свой пламень.
И помни о моей победе только днесь,
Да будет то твоим всегдашним разговором.

К а м и л л а

Дай, варвар, сердце мне, подобно твоему.
Отдай любовника иль не препятствуй страсти.
Лишь в нем одно мое и счастье и напасть,
Любила в жизни я, о нем по смерти плачу.
Не чти меня, не чти своею ты сестрой,
Но зри любовницу отчаянну, смятенну,
Котора, фурией последуя тебе,
Всчасно укорять твою жестокость будет.
О, алчный крови тигр, ты плакать мне претишь
И хочешь, чтобы я погибелью любезна
Днесь утешалася, и подвиги твои
С восторгом до небес превозноса хвалю,
Вторично бы сго губила я в сей час.
Да будут дни твои тьмой бедства окруженны,
Чтоб ты, во горестях несноснейших крушась,
Почел бы и меня себя в сто крат счастливей,
И чтобы, наконец, бесчестьем посрамясь,
Навек бы помрачил свою жестоку славу.

Л. 68 об.

Г о р а ц и й

О небо! Видел ли кто сей подобну злость!
Иль мыслишь ты, что я не чувствую обиды,
И что с терпением могу в сестре своей
Бесчестье зреть всему Горациеву роду.
Любя, оплакивай нам общего врага,
Но хоть возрадуйся о счастии днесь Рима
И вспомни то, чем ты отечеству должна.

К а м и л л а

О Рим! Всех бед моих и злости всей причина,
Которому твоя презлобная рука
На жертву принесла любезна Курица.
О Рим, который зрел рождение твое,
Которого твой дух толико обожает,

Которого за то, что столь тебя он чтит,
 Я болсе всего на свете ненавижу.
 Да устремятся все соседние народы
 Разрушити твое нетвердо основанье;
 А если и того к паденью твоему
 И к разрушению конечну мало будет,
 Да съединятся весь и Запад и Восток,
 Чтобы народов тьма от всех концов вселенной
 Прешла бы и леса, и горы, и моря,
 И истребила б Рим, чтоб сам свои он стсны
 Во недрах бы своих разрушил, опрокинул
 И внутренни свои терзал своєю рукою.
 Чтоб гнев небес, моим отмщеньем воспален,
 Потопом пламенным пожрал его все зданьи,
 Чтоб я узреть могла его разящим громом
 И все теперь твои в прах лавры превращенны,
 И, видя все сие, от радости умереть.

Г о р а ц и й

(Вынув меч, стрелится вслед за бегущею от него сестрою)

Днесь гневу моему рассудок уступает.
 Поди, и в тартаре с любезным сопрягись.

К а м и л л а

(Пораженная, за театром)

Увы!

Г о р а ц и й

(Выходя на театр)

Сим образом всем должно тем погибнуть,
 Кто будет римского оплакивать врага.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Г о р а ц и й, П р о к у л

П р о к у л

Что сделал ты теперь?

Г о р а ц и й

Что истина велела.
 Преступок сей прияти должен казнь.

П р о к у л

С своєю ты поступил сестрой безмерно строго.

Гораций

Она мне не сестра и крови не мой.
Отец мой признавать за дочь ее не должен.
Клянущ отечество, не сродник больше нам,
Он сродственников всех врагами почитает,
Не должно ощущать нам к оному любви.
Чем мщение скорей, то тем оно законней.
Хотя бессильно есть желание ее,
Однако истребить то должно при начале.

Л.69 об.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гораций, Сабина, Прокул

Сабина

Почто остановил свое ты мужество?
Поди, увидь сестру, родителя на лоне
Кончающу живот, и оным зрелищем,
Жестокой, упитай ты очи кровожадны.
И если сим еще не можешь быть доволен,
То ты отечеству Горациев великих
На жертву принеси остаток Куриацов.
Супругу съедини с сестрою ты своей.
Как наши бедствия, равны преступки наши;
Я также мучуся о братнях твоих,
Но я еще сто крат виновней пред тобою.
Оплакивала лишь единого она,
Я плачу о троих, карай меня, жестокий.

Гораций

Престань лить токи слез иль скрой их от меня,
Достойна будь моей ты имени супруги²³
И жалостью меня своей не посрамляй.
Коль брак соделал в нас едину мысль и душу,
Возвыси чувства и буди мне равна,
Но к чувствам твоим я вечно не унижусь.
Люблю тебя и грусть твою я ведаю,
Но твердость восприми и одолей ты слабость,
Будь славы моя участницею днесь,
Не помрачая сей возлюбленной мне славы.
Старайся в оныя иметь мне равну часть,
Но оныя меня совсем ты не лишай.
Иль чести моя ты столько ненавидишь,
Что лестно зреть тебе в бесчестии меня.
Будь меньше ты сестра, но больше будь супруга.
Возьми пример с меня, последуй мне во всем.

²³ То есть: будь достойна имени моей супруги.

Чтоб следовать тебе, ищи ты душ твердейших.
 В несчастьи твоём тебя я не виню.
 Я думаю о сем, как мыслити мне должно,
 Не должность я твою виню, виню судьбу.
 От добродетели я римской отрицаюсь,
 Коль должно львицей быть, чтоб ону исполнять.
 Я победителя супругу зря в себе,
 Я купно и сестру в себе зрю побежденных.
 Перед народом я в весельи общества
 Участье буду брать, но во своих чертогах
 Домашних горести могу оплакивать.
 Почто, жестокий, ты иначе поступишь?
 Входя сюда, оставь у врат свои ты лавры,
 И слезы съедини с моими ты слезами...
 Но что, иль твердость днесь твоя толь низка мысль
 Противу дней моих тебя не вооружает?
 Или поступок мой тебя не огорчил?
 Сколь счастлива тобой сраженная Камилла,
 Чего желала, все то от тебя нашла.
 Возлюбленный супруг, творец моих напастей,
 Коль гнев уж твой прошел, хотя из жалости
 Скончай мою напасть, карай во мне ты слабость.
 Я смерти лишь хочу, иль в милость, или в казнь.
 Хоть правосудие иль хоть любовь супруга
 Меня повергнут в гроб, все для меня равно,
 Все будет от тебя мне лестно и приятно.

Г о р а ц и й

О как, бессмертные, несправеден ваш суд,
 Что покоряете женам сердца твердейши,
 И женской слабости во власть даете нас.
 К чему приведена моя днесь добродетель?
 Лишь бегством я одним се могу спасти.
 Не следуй ты за мной или престани плакать.²⁴

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОГО ДЕЙСТВИЯ

²⁴ Отсутствует явление восьмое — монолог Сабинны.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старый Гораций и Гораций

Старый Гораций

От зрелища сего мы взор свой отвратим,
 Чтоб удивитися судьбам богов бессмертных.
 Когда мы славою надуты, гордостью,
 То небо нас всегда умест унижати.
 Все наши радости со горестями смешанны,
 И в самом мужестве видна есть наша слабость.
 Не извиняю я Камиллы злобных слов,
 Я только днесь и о тебе жалею,
 Что я родил на свет дочь, Рима недостойну,
 И что смертью ты ес днесь руку обесчестил.
 Поступка твоего не обвиняю я;
 Но ты б, мой сын, возмог сего стыда избегнуть,
 И преступление ес, достойно смерти,
 Не должно быть твоей наказано рукою.

Гораций

Родитель мой, вся жизнь моя в твоих руках,
 Властителем ее тебя творят законы;
 Коль чувства твоим имея равные,
 Коль следуя тебе, в сей день я стал виновен
 И должен вечные за то укору несть,
 Когда моя рука сим действием посрамленна,
 Ты можешь словом лишь живот мой прекратить.
 Пролей же кровь свою из ребр виновна сына,
 Который оной честь преступком помрачил.
 Я низости не мог стерпеть в твоей породе,
 И ты, подобно мне, порока не терпи.
 Сим действием отец, зря помраченну славу,
 Не должен оставлять без наказания.
 Любовь должна молчать, где извинить не можно,
 Иль принял сам он часть в грехе, когда простит.

Л. 67

Старый Гораций

Не завсегда отец сынов карает строго,
 И часто их щадит, и сам он для себя
 При старости иметь надеясь в них подпору,
 И не карает их, страшась себя карать.
 Но царь сюда идет, и стражи уж вступают.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Туллий, Валер, Старый Гораций, Гораций и стражи

Старый Гораций

Сия честь, государь, безмерна для меня,
Не здесь я своего владыку видеть должен.
Позволь мне пасть к ногам.

Туллий

Восстани, мой отец.
Все добрые цари, что я, должны то делать.
Заслуги важны толь достойны чести сей.

(показывает на Валера)

Я с ним уж обещал явить тебе ту почесть,
И не хотел сего я дале отлагать.
Я знаю уж, и я о сем не сомневался,
Сколь терпеливо ты сынов утрату сносишь,
Что утешение мое тебе не нужно.
Но я хочу узнать, каким несчастьем
К убийству приведен твой сын победоносный,
И что любовь его к сего отчеству
Единородну дочь отъяла у отца.
Твердейшия души удар несносен сей.
Как сносишь ты сие, того не понимаю.

Старый Гораций

Хоть с огорчением, но с терпеливостью.

Л. 67 об.

Туллий

То твердости твоей испытанной есть действо.
Кто долго жил, тот всяк то точно ведает,
Что счастью всегда последует несчастье.
Но редкий кто тебе в бедах быть может равен.
Коль утешение себе найти ты можешь
Во жалости моей, то будь уверен в том,
Что скорби твоя она во мне равна.
Безмерно дружество к Горацию мое.

Валер

Коль небеса царям свое вручают право,
Коль должно злых карать и добрых награждать,
Позволь напомнить мне, что ты о том жалсешь,
Что должен ты карать. Позволь сказати мне...

Старый Гораций

Чтоб победителя предать позорной казни?

Ту л л и й

Пускай окончит он, я после все решу.
Мне долг велит суда являти правоту.
Лишь правдою богам подобен только царь.
И вот о чем в сей час я горько сожалею,
Что победителя мне должно днесь судить.

В а л е р

Позволь же, государь, чтоб все любящи правду
Глаголом бы моим к тебе в сей час вещали.
Не зависть днесь к тому язык мой принуждает;
За подвиги свои достоин чести он,
Прибавь ты милости ему за то в награду,
Граждане будут все с тобою в том согласны.
Но, учинив сие ужасно злодеянье,
По торжестве своем он должен мертв упасть.
Сдержи, о государь, его ты злобну дерзость,
Остаток римляней от рук его спаси!
Зависит от того спасенье всех иль гибель.
Война и бедственна была и смертоносна.
Уздами брачными во время дней счастливых
Народы близкие толь тесно связаны,
Что нет римлянина, кой в стороне противной
Не зрел бы сродника, погибшего в войне.
И все во торжестве теперь общенародном
Льют слезы, сродников оплакивая смерть.
Коль оным Рима честь удобна помрачиться,
Коль слезы оные достойны казни суть,
Чью будет кровь шадить сей лютый победитель,
Который и своей не пощадил сестры,
Который не шадил любовницу стеньящу,
Лишенную навек любезна своего?
Иль им избавлен Рим, чтоб быть ему подвластным?
Кто право дал ему над нашей жизнью,
И может ли карать он преступленье наше,
Или его прощать по воле своя?
К блаженству римляней могу еще прибавить,
Сколь действие его бесчеловечно есть.
Я мог бы требовать, представлено чтоб было
Перед тобой его злодейство в сей час.
Увидев пред собой красы цветущу младость,
Ты сам бы, государь, подвигся к жалости.
Но ненавижу средств, похожих на коварство.
До завтра отложил ты приношение жертв;
Иль мнишь, что небеса, защитники невинных,
Из рук убийцевых воспримут фимнам?
Нет, беззаконие его богам противно.
Удобно на тебя привлечь их страшный гнев,
Дары Горация не будут им приятны.
Верь мне, и если Рим над Альбой властвует,

л. 70

л. 70 об.

Не храбрость в том сго, виной судьбина Рима,
Когда бессмертные, дав силу победить,
В тот самый час его к злодейству допустили.
Когда преславное он дело совершив,
Преступком злым стал достоин смертной казни.
Ты должен, государь, явити правый суд.
Рим в первый видит раз толь страшное убийство.
Бояся следствия, злодейство накажи,
Спаси нас от него, страшись бессмертных гнева.

Туллий

Гораций, начинай себя ты защищать
И оправдайся ты.

Гораций

На что мне защищаться?

Ты знаешь дело все и слышал все теперь.
Что ты ни повелишь, то будет все законом.
Против властителя все защищенье слабо.
Невинный иногда виновным остается,
Коль воля царская восхошет обвинить,
И извинение против царя преступок.
Над жизнью нашею владычествует он,
Нам должно к скипетру покорствовати слепо
И верити тому, что царь ни повелит.
Веление сго, конечно, справедливо.
Повелсвай, и я исполнить все готов.
Все любят жизнь, мне жизнь лишь должно ненавидеть.
Валера укорять я в оном не хочу,
Что он, сестру любя, усердно брата гонит.
Желание мое с его согласно днесь,
Он хочет, чтоб я пал, и я хочу умерити.
В желаньях наших то различье только есть,
Что хочет он мою затмити славу смертью,
А я хочу свою честь смертью спасти.
Не часто способы великий дух имеет
Во всем сиянии явити мужество.
Лишь случаи одни великость духа мерят,
И храбрость действует по случаям одним.
Лишь на поверхность дел взирающий народ
Со легкомыслием вникает в подвиги
И хочет, чтоб кто раз соделал неко чудо,
То беспрестанно бы то строил чудеса.
После преславного сияющего действия
Кто меньше сделает, тот будет им презрен.
Он хочет, чтоб всегда себс был смертный равен,
И мог ли бы тогда он лучше сотворить,
Того в невежестве народ не разбирает.
Он рушит наконец мужей великих честь,
И перва слава их второй мрачится частью.

Л. 71

Л. 71 об.

И если человек прославлен чрезвычайно,
Не должен ничего уже он больше делать,
Когда не хочет он унижен в славе быть.
Хвалити, государь, я дел моих не стану.
Ты видел сам в сей день мои все подвиги.
Нельзя, чтоб с оными предбудущи сравнялись,
И чтоб когда-нибудь я, меньше сотворив,
Я не унижил бы своей гремящей славы.
Итак, чтоб соблюсти мне славу всю свою,
Едина только смерть удобна то свершити.
Когда я победил, тогда б еще, тогда б
Мне должно умереть, я б не был днес порочен.
Таков, как я, уже тогда теряет честь,
Когда он зрит себе едину тень бесчестья.
И я бы уж давно окончил жизнь свою,
Но я без царского на то соизволься
Пороком почитал свою пролити кровь.
Тебе принадлежат мои все капли крови.
Довольно в Риме есть прехрабрых воинов,
Которы без меня твои поддержат лавры.
Коль подвиги мои достойны суть наград,
Позволь же, государь, чтоб я твоей рукою
Днесь славе, не сестре, себя принес на жертву.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Туллий, Валер, Старый Гораций, Гораций, Сабина

Сабина

Увидь, о государь, несчастную Сабину,
Котора, плачуща о братнях своих,
У ног твоих в сей час страшится о супруге.
Я оным не хочу виновного закрыть.
Какие б ни явил он днесь тебе услуги,
Караю преступника, толь славного, во мне,
И кровию мои загладь его преступок.
То будет все равно и жертва одинака.
Коль будст жив супруг, падет его супруга.
Наш брак и сильная его ко мне любовь
То делает, что он единой мною дышит.
Не столько он в себе, сколь он во мне живет.
И если, государь, ты мне велишь умерети,
Он больше как в себе, в жене своей умрет.
И смерть, которья толь алчно я желаю,
Умножит скорбь его, мою окончив грусть.
Увидь, о государь, несносно состоянье,
В которос теперь Сабина ввержена.
О смертная напасть! Лобзать супруга должно,
Который умертвил всех братисв моих.
О беззаконие! Супруга ненавидеть,

Л. 73

Который своему отечеству служил!
Любить того, кой кровь несчастных пролил,
И не любить того, который Рим воздвиг!
Избавь меня, избавь ты смертью от преступления —
Любить и не любить супруга моего.
Погибель я свою почту твоей щедротой.
Я то своей рукой исполнить бы могла,
Но смерть моя тогда приятнее мне будет,
Когда заглажу стыд супруга моего.
Коль кровию моей гнев укрошу бессмертных,
Которых раздражил величеством он духа
И добродетелью престрогою своею,
Я раздраженной тем спокойю тень сестры
И Риму сохраню защитника его.

Старый Гораций

Я вижу, должно мне ответить Валеру.
Коль чада днесь мои, согласны с оным став,
Против несчастного родителя стремятся
И вооружаются без всякия причины
Противу малого моей остатка крови.

(К Сабине)

О ты, которая порочной скорбию
Обремененная, забыв к супругу должность,
Для братиев своих его оставить хочешь.
Услышь из надземных их славных теней голос.
За отчество свое со славою упав,
Покрыты честью, они блаженны ныне.
Коль Альбе рок судил подвластной Риму быть,
Падение ее их трогает не столько,
Когда Горацием повержена она.
Они твою тоску во гробе днесь порочат,
Вздыхания твои и токи слез твоих,
К супругу ненависть твоя их огорчает.
Пребуди их сестрой и следуй должности.

Л. 73 об.

(К царю)

Валер Горация неправо обвиняет.
Движенья первое его не есть порок.
Не казни, государь, но похвалы достойно,
Коль добродетель то движение родит.
Злодеев общества любите несказанно
И страшно проклинать отчество свое,
Желати всяких бед и зол своим гражданам —
Се, что злодейство есть и что он наказал.
Любовь к отечеству его подвигла к гневу,
Коль Рим бы не любил, невинен бы он был.
Но что? Невинен он, а если б был виновен,

От отческой руки давно б он принял казнь.
Я честь свою люблю, и во своем я роде
Бесчестья не могу, ниже порока, снести.
Свидетельствую в том я днесь самим Валером,
Колико на него в сей день я злобен был,
Когда не ведая я окончанья брани,
Изменником его отечества считал.
Но кто ему велит за кровь мою вступаться,
И кто велит ему за дочь мою отмщать?
Почто участие в ее он смерти смлет,
Которого и сам не хочет взять отец?
Страшится, чтоб мой сын, когда сразил Камиллу,
С другими бы равно в сей день не поступил.
В бесчестие других нет нужды нам вступаться.
И сколько б низости иной не изъавлял,
Он подлостью своей срамити нас не может.

Л. 74

(К Валеру)

Как хочешь, плачь, Валер, Горация в глазах,
Лишь рода своего ему несносна низость.
Не нашей крови кто, тот не мрачит лучей
Бессмертной славы той, в которой он сияет.
Его не свянет лавр, о лавр, священна ветвь,
Котору истребить всей силою стремятся,
Котора от него отводит тучи бед.
Иль ты его предашь орудию бесчестну,
Чем правосудие преступников казнит.
Римляне, можете ль паденье зреть героя,
Без кого б днесь Рим престал бы Римом быть?
Возможете ль стерпеть, чтобы в сей день римлянин
Старался истребить всю славу воина,
Которому должны названьем вы римлян?
Скажи, Валер, скажи, где хочешь ты избрать
Для казни моего прехрабра сына место?
В стенах ли Рима, то, где глас отечества
Его дела хвалой до неба перевозносит,
Или вне римских стен, на славных тех полях,
Которы кровию дымятся куриацев,
Близ их гробов, в местах, где торжествует Рим,
В местах — свидетелях отечества блаженства.
В стенах ли иль вне стен — везде услышишь ты
Гремящий о его победе звучный голос.
И все противится желанью твоему,
К которому тебя любовь днесь принуждаст.
То зрелище самой несносно Альбе будет,
И Рим того своим стенаньем не допустит.
Ты то предупредишь, о царь, своим судом
И примешь сторону защитника прехрабра,
Который может раз еще избавить Рим.
В сей день я, государь, четырех чад лишился,

Л. 74 об.

Остался только он, спаси не для меня
Ты сына моего, спаси ты ради Рима,
Подпоры сильной сей ты не лиши его.
Позволь мне, наконец, к нему речь обратити.
Не мни, Гораций, чтоб неведущий народ
Возмог претвердую твою низвергнуть славу.
Хоть бурный глас его нередко шум творит,
Минута то родит, минута истребляет.
И слава, что народ героям подает,
Как легкий пар или дым в минуту исчезает.
Лишь только от царей, от благородных душ,
От храбрых лишь сердец зависит наша слава.
Они едины лишь героев истинных
Во храме вечности названию вписуют.
Живи, Гораций, так всегда, как начал жить,
Пробудешь ты велик и вечно препрославлен,
Хоть к славе твоея подобных случаев
Во весь твой век тебе судьба уж не представит.
Люби ты жизнь свою, хотя уж для меня
И чтобы своему отчеству служитьи.
Оставь, о государь, что смело я вещал,
Весь Рим теперь вещал моими то устами.

Л. 75

Валер

Позволь мне, государь...

Туллий

Довольно уж, Валер.
Во мыслях у меня твоя речь не затленна,
Что ты ни говорил, Валер, я помню все.
Ужасно действие, почти в присутствии нашем,
Противно естеству, противно и богам,
Движеньем гнева то не может оправдаться.
Законы все велят Горацию умереть.
Но на преступника сего когда посмотрим,
То сколь ни страшен есть и не велик сей грех,
Однако тою же рукою он содеян,
Которая меня на троне утвердила.
Рим, торжествующий и властвующий Альбой,
К державе моея другая приобщенна
В спасение его вступается в сей час.
Где властвую теперь, я тамо был подвластен,
Когда б Горация на свете не было.
Все подданы единым лишь желаньем
Властителям твоим явят свои услуги,
Все любят их, все чтут, но все ль, скажи, возмогут,
Равно Горацию, их троны утверждать.
Такое мужество дается небом редким,
Такие подданны подпора суть царей,
Которые от уз законов отрешенны.

Да умолчат они, и да простит в том Рим,
Что при рождении он своим простил Ромулу.²⁵
Что в основателе своем он мог терпеть,
То в избавителе своем он снести не может.
Живи, Гораций, ты великодушный воин,
Преступок твой твоя превсходит добродетель,
И жар ее сие соделал преступленье.
Причине таковой оставить должно грех.
Живи ты, Рима щит, но и люби Валера,
Да ваша ненависть навски истребится.
Любови ль, должности ль он следовал своей,
Ты все сие оставь и другом будь ему.
Забудь, Сабина, ты свою тоску и горесть,
Великия души есть слабость неприлична.
Коль слезы осушишь, в себе покажешь ты
Достойну тех сестру, о коих ты рыдаешь.
Заутро должно нам бессмертным жертвовать.
Не будут небеса к молитвам нашим склонны,
Коль римские жрецы перед закланьем жертв
Не найдут способов Горация очистить.
Старанию отца вручаю я сие.
Он удовольствовать возможет тень Камиллы,
И чтоб ее во всем покоить скорбный дух.
В один день век ее прошел с любезным веком,
То гроб един ее пускай с ним заключит.

КОНЕЦ ТРАГЕДИИ

²⁵ При постройке стен Рима Ромул, в результате ссоры, убил своего брата Рема.